Адаптация мигрантов: варианты стратегий

К. С. Мокин

Прозрачность границ, безвизовый режим, географическая близость, относительная стабильность политического и экономического характера обусловили превращение России в страну-реципиента миграционных процессов.

Пик миграционных процессов в России и в Саратовской области в частности, приходился на начало 90-х гг. Однако с 1994 г. интенсивность миграции неуклонно снижается. Снижение миграционных процессов связано с постепенным исчерпанием миграционного потенциала русскоязычного населения, адаптацией национальных меньшинств к социально-политическим и экономическим обстоятельствам, ослаблением националистической риторики и дискриминации в бывших республиках СССР.

Исследователи отмечают особую активность вынужденных мигрантов, выезжающих на заработки в другие страны СНГ, в основном в Россию. Трудовая миграция позволяла выжить семьям мигрантов за счет трансфертов, доля которых в доходах семей была существенной: в Армении – от 15 до 30% в зависимости от достатка семьи. Трансферты от азербайджанцев, проживающих в России, оцениваются до 2,5 млрд. долл. в год[1].

В период 1989-1993 гг. из Армении, Азербайджана в основном уезжали русские, белорусы, украинцы – в основном русскоязычное население. В последующий период, до настоящего времени миграционные потоки стали, в моноэтническими. Между 1990 и 1997 гг. из Армении выехало более 700 тыс. чел., что составляет почти 20 процентов населения республики[2]. Причем миграция из Армении носила четко целенаправленный характер – в Россию и США.

Такие величины миграционных процессов не могли не сказаться на этнической структуре областей и районов России. В Саратовской области наибольшее число армян отмечено в крупных промышленных городах области – Саратове, Энгельсе, Балаково, Марксе. Точных объективных данных об этническом составе этих городов нет. По разным оценкам численность армян в Саратове оценивается в 20-25 тыс., в Балаково, 6-10 тыс. Однако эти цифры вызывают сомнение, так как, на

---

[1] Арутюнян Л. А. Новые тенденции миграции в Армении //Миграционная ситуация в странах СНГ. С. 72. 1999.

[2] Арутюнян Л. А. Там же.

наш взгляд, они отражают больше ситуацию "сезонного" наплыва мигрантов, в то время как фактическое число постоянно проживающих в городах армян несколько ниже. Оценить реальную динамику изменения численности разных этнических групп представляется весьма затруднительным, однако можно говорить о том, что Саратовская область уже не является той относительно моноэтнической областью как 20-25 лет назад.

Учитывая сложившуюся ситуацию в части миграционных процессов в области, нами предпринята попытка анализа истории миграции, на примере армян, в Саратовскую область. Анализ включает в себя выявление основных причин миграции и наиболее типичных путей перемещения, факторов, влияющих на выбор именно Саратовской области (города) как конечного пункта миграции. Особый интерес представляет анализ дальнейших миграционных намерений, которые, на наш взгляд, тесно связаны с готовностью к адаптации, выбору тех или иных стратегий интеграции.

В миграционной истории приезжих армян наиболее четко представлены несколько случаев, которые объединены нами в пять вариантов. Первый вариант – мигранты, прибывшие из самой Армении; второй – мигранты прибыли из других стран СНГ в Армению, а затем, в Россию; третий – в прямом перемещении армян из республик СНГ в Россию; четвертый – мигранты, прибывшие из других городов России; пятый – связан с четвертым и первым и состоит в перемещении мигрантов из городов России сначала в Армению, а затем оттуда вновь в Россию.

В первом и третьем вариантах доминирует прямая миграция. Это означает, что люди приезжают в Россию напрямую из Армении или других бывших республик СНГ. В остальных вариантах промежуточным пунктом назначения является Армения. Все эти варианты, при их различиях, отличает от остальных одно – Россия рассматривается как конечная цель миграции. Причем большинство мигрантов имеют четкое представление не только о стране (России) и городе проживания, но и о типе предстоящей экономической занятости. Последнее характерно только для прибывших в последние 5-7 лет.

Второй вариант предусматривает перемещение мигрантов из республик СНГ сначала на историческую родину (Армению), а затем – в Россию. Этот сценарий наиболее характерен для мигрантов и вынужденных беженцев конца 80-х – начала 90-х гг. Он, как правило, связан с возникшими межэтническими конфликтами, в основном в республиках Закавказья и Средней Азии. Наиболее многочисленными здесь являются мигранты, проживавшие до начала 90-х гг. в Азербайджане, именующие себя "бакинские армяне". После начала активных межэтнических стычек в городах и поселениях Азербайджана они выехали в Армению, но затем, как правило, по экономическим причинам и при-

чинам культурного характера (незнание языка, традиций, несовпадение норм и ценностей) вынуждены уехать в Россию.

Четвертый и пятый варианты характеризуются тем, что страной исхода и в то же время страной – реципиентом является Россия. Отличия – в наличии некоторого промежуточного звена (Армении) или его отсутствии. Как правило, основными двигающими мотивами здесь являются плохие экономические условия городов исхода, а также в ряде случаев — высокий уровень дискриминации.

Практически во всех случаях представлена легальная миграция. Как правило, в Саратовскую область они попадали с армянским паспортом, либо с паспортом гражданина России, полученным в других городах России. Часть мигрантов прибыла в область еще по старым советским паспортам, до введения паспортов России.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что подавляющее большинство армян оказалось в области не случайно, а имея некоторую информацию о месте будущего проживания, условиях жизни. Исключение составляет ряд армян, в экстренном порядке покинувших Азербайджан (г. Баку) в 1988-1989 гг., но и они уезжали, имея здесь, как правило, родственников и априори, полагаясь на их помощь. Ряд респондентов указывают, что, возможно, и поехали бы в другие города, например в Москву, Самару, Петербург, но там нет родственников и или близких людей, способных оказать первоначальную поддержку.

Необходимо отметить, что существует некоторый феномен целенаправленности миграции именно в Саратовскую область. Саратовская область и ее города рассматриваются как относительно спокойный и благополучный регион, в котором не составляет большого труда открыть свое дело, и/или найти подходящую работу. В условиях набирающего разгон эффекта "расколотого рынка", при котором фактически каждая этническая группа оказалась выдавленной в те или иные экономические ниши, большинству респондентов не составляет труда начать собственное дело в системе малого и среднего бизнеса, практически "легально" и "легитимно". Это особенно важно, учитывая характер миграционного процесса, когда люди приезжают к родственникам и землякам, по некоторой "цепочке", практически не имея никаких иных связей, а имея в наличии лишь свой интеллектуальный и предпринимательский потенциал.

В основе переезда многих армян, особенно последней волны, лежат экономические мотивы. В ряде случаев, особенно мигрировавших в начале 90-х гг., лежат причины нежелания участвовать в боевых действиях с опасениями за свою жизнь и жизнь членов семьи.

Женщина, 34 года: "Мы приехали из Баку в 1989 г.. Там было страшно. Они [азербайджанцы] ворвались в наш двор, вытащили всех из дома. Стали всех избивать. Дядю моего сильно избили. Он потом умер. Спасибо соседи, тоже азербайджанцы, спрятали нас и детей в подвале..."

Тем не менее после бегства в Армению встал вопрос о фактическом выживании, уже в новых условиях.

Женщина ,38 лет: "Казалось бы мы дома... но, языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно. Армения тогда в блокаде была. Света нет. Тепла нет. Воды нет. Когда давали воду, мы ее набирали во всю посуду, бочки, ванную, бутылки. Зимой дом наш, двухэтажный замерзал так, что лопались стекла. Моешь полы, а за тряпкой ледяная корка. Мы все жили в одной комнате, восемь человек – так теплее. Грелись с помощью "солярочки". Это такая бочка с колбой, солярка капает из колбы и горит. На ней и готовили. Спустя год поняли – так больше жить нельзя. Сын растет – а что он видел? Образования толком не получить. Еды нормальной нет. Даже муки нет, хлеб испечь. Надо в Ереван ехать – это день, – дорога, очереди... Решили ехать в Балаково, здесь родной брат мужа, он в милиции работал, договорились, он встретил, помог снять жилье... Отец и мать остались в Армении, мы им помогали, чем могли, высылали деньги, муж открыл свой бизнес, стало возможно детей в гимназию отдать...".

Большинство мигрантов, у кого остались близкие родственники в Армении, регулярно отправляют им помощь, деньги. В случае необходимости, прилагают все усилия для оказания помощи к переезду в Россию.

Мужчина, 42 года: " Мы им помогаем, сейчас пытаюсь брату помочь, он хочет уехать в Россию или США. Из Армении трудно сразу в США уехать. Приедет сюда. Поживет. Язык выучит, может быть. Мы помогаем. А как же? Трудно будет – они мне помогут...".

Мужчина, 29 лет, предприниматель: "Деньги отцу в Ереван отправляю регулярно. Иначе нельзя. Нас трое братьев – все ему помогают. Он уже не может работать на заводе. Да и завод закрыли...".

Что касается мотивов переезда из других республик, то здесь доминируют социально-политические мотивы, явные дискриминационные практики, ущемление прав и достоинств.

Мужчина, 36 лет: "Мы там [в Средней Азии] были второсортными. Мы должны были обслуживать только местных. Я до этого работал в управлении завода, инженером. Стал простым рабочим. Быть начальником там другой национальности – невозможно. Перспективы никакой. Никто не слушает тебя. Никакого права голоса. Только обслуживание этих...Мы, да и многие из друзей уехали сюда. Мы здесь были во время Союза, на заводах, ездили в командировки, здесь друзья, знакомые...".

Для группы мигрантов, имеющих промежуточным пунктом Армению, характерны причины, заставившие их продолжить миграцию. Наряду с социально-экономическими причинами фигурировали недостаточно хорошее знание языка и традиций. Часть респондентов указывало, что они [язык и навыки] фактически были утрачены еще в период Советского Союза, когда они проживали в городах и республиках Союза. Это сформировало отношение к ним как к "чужим" среди коренного населения республики. На наш взгляд, это служило существенным "вы-

талкивающим" фактором, стимулирующим социально-экономическую мобильность. Необходимо отметить, что категория "чужих" распространялась на всех членов прибывшей семьи.

Женщина, 38 лет: "Казалось бы, мы дома... но языка мы толком не знали. А жизнь... жить невозможно.... У сына тоже проблемы были, он языка кроме русского не знал, учились, то мы все в одних русскоязычных школах...Трудно ему было. Друзей почти не было...Что он мог сделать...".

Особенная черта, которая, на наш взгляд, является наиболее выпуклой, это миграционные перемещения всей семьей. Это относится в первую очередь к группе армян, прибывших в Россию в начале – середине 90-х гг. Процесс адаптации в "привычных стандартах" выглядит для них более приемлемым, чем включение в новую среду. Анализ миграционных характеристик последних волн (менее 5 лет) показывает, что в последних волнах доминируют неженатые молодые мужчины в возрасте 17-25 лет, имеющие четкие ориентации на получение образования, трудоустройства в России.

Проблема культурного несоответствия, разделившего на "своих" и "своих чужих", здесь в Саратовской области получила дальнейшее развитие. На первый взгляд моноэтническая мигрантская группа при детальном рассмотрении оказывается разделенной на три-пять подгрупп, разделенных неким культурным антогонизирующим ингрупповым феноменом.

Выходцы непосредственно из Армении создали армянскую общину, юридически оформленную, имеющую воскресную школу и проводящую праздники с участием гостей и артистов из Армении. Используя НГО, они пытаются объединить вокруг себя других армян. "Другие армяне" как правило, избегают участия в подобных мероприятиях.

Женщина, 34 года: "Мы понимаем язык, но разговаривать, мы не разговариваем. Даже наше поколение 70-х, а бабушки, дедушки, естественно, – говорят, у них есть эти навыки. Но наши внуки уже не поймут. А то, что открыли воскресную школу.... Это все для тех, кто выходцы из Армении. Они и здесь живут этими обычаями, в семьях у них только армянский язык, это те, кто оттуда.... Поэтому нас так и разделили: "бакинцы" и армяне. Хотя мы тоже армяне. Ведь нет же такой нации "бакинцы" – да? У них и у нас – не тот образ жизни... Они себя вспоминают".

Мужчина 44 года: "Понимаешь, нас и там и здесь как бы изначально поделили: из Азербайджана – значит бакинские. А они – ереванские; это у нас две таких категории, те – которые живут в Армении и которые там не живут, то есть мы друг от друга отличаемся корнями...даже языковым диалектом. У нас есть такой диалект, шемахинский диалект, карабахский диалект, те, которые из Средней Азии, у них свой диалект.... Поэтому в Армении люди из Баку не прижились по одной только причине, что мы не знали языка. Наш армянский язык и армянский коренной – это совершенно разные языки, очень трудно было как-то влиться в это. Конечно, мы адаптировались, но образ жизни другой, совершенно другой".

Необходимо отметить, что практически во всех интервью и фокус-группе Россия, Саратовская область рассматриваются как конечная цель миграционного перемещения. Только в двух интервью было отмечено, что возможно дальнейшее перемещение в США, это относится к последней волне прибывших три и менее года назад, непосредственно из Армении. Респонденты полагают, что перемещение из России в США более удобно, чем напрямую из Армении в США.

Наиболее актуальным вопросом для всех видится вопрос о возврате в Армению (историческую родину). И здесь община делится на две, в принципе, равные группы. Одни готовы вернуться назад, но при условии что социально-экономическая обстановка там улучшится, это в основном выходцы из самой Армении. Другая группа не рассматривает вариантов перемещения в республику. Это, как правило, те, кто испытал на себе "культурное несоответствие", наиболее удачно и успешно адаптированные к местным социальных условиям и инкорпорированные в социально-экономическое поле.

Женщина, 37 лет: "Просто глубоко в сердце мы понимаем, что не все бы вернулись, все равно такой жизни бы уже не было. Может, даже бы и вернулись, а жизнь такую вернуть было бы невозможно. Просто у нас там действительно есть священные реликвии – наши могилы, причем вековые, несмотря на то, что так сложилось, что у нас уже и здесь есть могилы. Умерла моя бабушка, умер мой свекор, так что вот эта священность, даже в отношении этой могилы держит, то есть мы уже знаем, что мы отсюда — никуда, потому что это не бросишь, – как там с тяжестью, так и здесь с тяжестью...А здесь уже какой-никакой жизненный опыт, сложился круг общения, появились какие-то друзья, у нас работа в конце концов".

На текущий период четко прослеживается тенденция к тому, что большая часть армян не хочет уезжать и рассматривает Россию как наиболее оптимальную зону по сравнению с другими странами – бывшими республиками СССР, в том числе и Арменией.

Можно утверждать, что массового оттока армян из Саратовской области при сохранении текущих социально-экономических и политических условиий не произойдет. Дальнейшие миграционные перемещения возможны лишь при значительном росте ксенофобских настроений, росте дискриминационных практик или резком и длительном снижении экономического благосостояния.

Более того, большинство армян, удачно интегрировавшихся в местную социально-культурную и социально-экономическую среду, заинтересованы в том, чтобы пригласить родственников или близких друзей из Армении или других городов России.

Женщина, 37 лет: "Вот мой брат, ему сейчас 50 лет ,он после Баку прожил в Армении 10 лет, и сейчас мы помогли ему перебраться сюда. Причи-

ны? Опять-таки бытовые. Там невозможно жить. У него свой дом не в самом Ереване, а рядом — в Арарате. Его элементарно нечем отапливать, не было работы. А так мы были здесь, они приехали сюда и привезли своих ребят, у них мальчишки тоже, одному 25, другому 26 лет. Мальчишки занялись своим делом. Они прекрасные мастера, у них мастерская по ремонту машин, они адаптировались. Ну, почти. У них это получилось".

Таким образом, подводя некоторый итог, можно утверждать, что сформированная сеть социальных связей, отстроенная по родовому признаку, служит и будет служить опорой для прибывающих вновь мигрантов, а Саратовская область выглядит привлекательным для мигрантов социально-экономическим регионом. Существующие общины, обладая некоторой базовой общностью, идентичностью, достаточно четко разделены по времени прибытия в страну, местом исхода и уровнем некоторой комплиментраности по отношению к Армении. Эти исходные условия служат основными посылами для построения стратегий интеграции.

Как уже выше рассматривалось, общину мигрантского этнического сообщества можно представить как некоторую структуру состоящую, как правило, из следующих условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением:

Старожилы общины (как правило, это те, кто прожил на данной территории более 7-10 лет, успешно адаптированные к внешним условиям общины). Старожилы представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями традиций общины, основными производителями диаспорной идентичности.

Недавние мигранты. Это члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и активно перенимающие диаспорную идентичность.

Трудовые мигранты. Члены этнической группы общины, но не включенные в сеть взаимопомощи общины, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество. Трудовые мигранты являются носителями прагматической культуры. Они образуют собственные дискретные сети по образцу традиционных, предпочитают, по возможности, селиться среди своих соотечественников, в том числе и первых двух групп, а также (по традиционному образцу) претендуют на их поддержку и на поддержку функционеров НКО в решении своих проблем, часто безуспешно. Не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут практически на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются обратно (приспособительный сценарий).

Община имеет внутреннюю и внешнюю границы, каждая из которых выполняет собственные функции.

Внешняя этническая граница по отношению к общине формируется

в иноэтнической среде и обусловлена фактами, сюжетами истории и современности, тенденциями межэтнических отношений. Внешняя граница определяет степень вмешательства иноэтнического элемента в культурную жизнь общины диаспоры.

Внутренняя этническая граница формируется в среде самой диаспоры и, являясь фактически границей ядра общины, строится на основе этнических доминант, внутридиаспоральной комплиментарности как формы психологической поддержки в условиях иноэтничнеского окружения и этнической самоидентификации, как сознательного акта коллективного самоопределения, этнической традиции как совокупности стереотипов и правил поведения[3].

Между внешней и внутренней границей общины формируется буферная среда, как правило, из числа членов общины, которые находятся в некотором пограничном состоянии – это, в основном, члены семей в смешанных браках.

В качестве одного из определяющих признаков общины является выраженная культурная идентификация членов этнической группы. В данном случае можно говорить о наличии динамического процесса поиска точек соприкосновения и о конструировании общей идентичности на основе уже имеющихся идентичностей.

Процесс конструирования общинной идентичности является сложным и длительным. Важным фактором, влияющим на ее динамику, является "ассимиляционная" способность этнической группы поглощать, растворяя в своей среде, вновь прибывших. Однако существует предел поглощения, за которым нарушаются согласованные с местной средой процессы конструирования общинной идентичности. Здесь можно говорить о сохранении стабильности группы как единого целого. Вновь прибывшие привносят в состав группы новые проблемы, интересы, целевые установки, нормы поведения. Появляются новые группы влияния.

Существование групп влияния предопределяет появление сторонников, из которых формируются фракции, выстраиваются сети связей и поддержки. Из числа представителей групп влияния, как правило, создаются НКО, выполняющие представительские функции общины и обеспечивающие ее функционирование как социально-политического субъекта социального сообщества.

Существование двух и более групп влияния общины допускает сценарий раскола на две и более части. Причинами раскола могут служить несовпадение структур целевых картин, приоритетов идентичностей, желание перераспределения сетевых (общедиаспорных) ресурсов. Однако, как правило, процесс раскола наблюдается, когда общиной накоплен существенный экономический и административный (управлен-

[3] Аствацатурова М. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели //Диаспора. № 2. 2003. С. 190 .

ческий) капитал, при наличии этнических предпринимателей, способных в целях общины аккумулировать этничность как ресурс, и когда раскол не угрожает жизнеспособности общины в целом.

Наличие двух и более групп влияния в общине, ведущих конкурентную борьбу друг с другом, тем не менее в целом способствует интеграции и выработке единой позиции в формировании универсальной идентичности и этнических групповых автостереотипов.

Другим важным показателем является интенсивность контактов со страной исхода и другими общинами диаспоры. Общины диаспоры формируют устойчивую социальную сеть, обеспечивая и поддерживая развитие друг друга и диаспору в целом. Узлы диаспоры, включающие некоторое множество общин, выступают коллекторами сетевых ресурсов, высвобождая (перераспределяя) их при необходимости.

Безусловно, интенсивность связей и их количество в разных этнических группах существенно различается. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что все этнические мигрантские группы формируют сеть горизонтальных связей внутри себя. Первичными ячейками горизонтальной социальной сети являются кланово-родственные группы, формирующие "первичную" орбиту коммуникаций для вновь прибывших. В основе этих первичных организаций лежит принцип личного доверия и кровного родства.

Необходимо также отметить высокую активность членов малых групп в формировании новых связей. Здесь полностью реализуется принцип избыточности связей, обеспечивающих максимальную устойчивость группы при внезапных и сильных влияниях внешних факторов.

Сетевая структура обеспечивает консолидацию ресурсов вокруг наиболее активной и экономически, политически и социально успешной группы влияния. Таким образом, в отличие от вертикальной системы управления, присущей традиционным системам управления, в социальной сети функции управления сконцентрированы в звеньях с наибольшим "весом" и имеющих наиболее высокую плотность контактов с другими звеньями (ячейками) общины. Ячейки, выполняющие функции управления, являются основными носителями и передатчиками информации, узлами перераспределения ресурсов.

Стремление общин создать традиционную иерархическую структуру управления, как правило, связано только с желанием заявить себя в качестве участника-игрока на социально-политическом поле, обеспечивающем реализацию групповых интересов на институциональном уровне (взаимоотношения с администрациями городов, государственными службами и органами). Особенно ярко это наблюдается сейчас, когда со стороны органов власти заметно пристальное внимание к межнациональным отношениям, выделяются субсидии, возможно получение налоговых льгот национальными НКО.

Рассмотренные выше особенности мигрантской общины позволят

перейти к рассмотрению групповых стратегий адаптации. Хочется особо отметить, что существующие взгляды на адаптацию мигрантов, анализируют, главным образом, поведение индивида. Исключение, пожалуй, составляют работы Н. Лебедевой, уделяющей значительное внимание групповой адаптации[4], однако больше в контексте этнической психологии, что не всегда приемлемо для социологического анализа.

Автор склоняется к использованию позиции Г. Шеффера[5], полагающего, что большинство диаспор выбирают стратегию общины как наиболее предпочтительную. Нами это понимается, что индивиды адаптируются к новой среде, удовлетворяют свои потребности не сами по себе (индивидуально), а как члены общины. При этом индивидуальный статус замещается статусом общины как таковым.

При этом общины преследуют основную цель (миссию) – максимально эффективное приспособление к условиям новой культуры, и вытекающая из нее задача – создание социальных сетей, обеспечивающих это приспособление. Конфигурация и наполнение сетей происходит исходя из реальных условий, в которых развивается община.

Как было рассмотрено автором выше, одним из основных сценариев (стратегией) адаптации трудовых мигрантов является (само)сегрегация. В основе этого сценария лежат, как правило, мотивационно-ценностные ориентации, связанные с прагматическим извлечением выгоды от нахождения на территории принимающей страны.

На наш взгляд, одним из ключевых аспектов этого сценария является включение вновь прибывших мигрантов в социально экономическую сферу по двум основным направлениям: первое – это включение в "этнический" бизнес и второе в соответствии с правилами "разделенного" рынка – в качестве малооплачиваемой, дискриминируемой группы на малоквалифированную работу.

Для объяснения феномена этнического бизнеса видится приемлемым использование схемы Уолдингера[6]. Он выделяет два важных аспекта:

Структура возможностей, под которой следует понимать легальную систему трудоустройства и возможностей вхождения в местный рынок труда; она включает в себя квалификацию рабочей силы и спрос на рынке труда.

Специфические этнические стратегии (выделено мной – *К. С.*) и ресурсы, на которые этнические группы могут положиться, чтобы разрешить проблемы интеграции и дискриминации. Этнические ресурсы включают в себя социальные сети, солидарность, предпринимательские

---

[4] Лебедева Н. Социальная психология аккультурации этнических групп. Дисс. д. псих. н. Москва, РАГС при Президенте РФ, 1997.

[5] Sheffer G. Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? In: International Migration and Security. (ed.) by Miron Weiner. p. 263-286. Boulder, San Francisko, Oxford. 1993.

[6] Waldinger R. Through the Eye of Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades. New York & London: New York University Press, 1986.

ские традиции, доступ к дешевой рабочей силе, знания о потребностях своей и иных этнических групп.

В 90-е гг. Россия переживала экономический спад, на фоне которого наблюдался рост миграционных потоков. Россия превратилась в крупнейшую страну – реципиента. Среди приезжающих были представители различных этнических групп, разного уровня квалификации и образования.

В середине 90-х гг. в связи с экономическим кризисом с предприятий области было уволено более 250 тыс. чел., в то время как сфера обслуживания практически не росла. Нехватка рабочих мест в промышленности серьезно отразилась на мигрантах, имеющих, как правило, технические специальности либо имеющих низкую квалификацию. Немногими свободными сегментами рынка труда оказались места для низкоквалифицированной и плохо оплачиваемой работы в сфере обслуживания и сельского хозяйства. С конца 90-х - начала 2000 гг. сюда оказались также включены сегменты низкоквалифицированной работы в сфере дорожного и городского строительства.

Фактически с середины 90-х гг. мы наблюдаем феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой "этнической" рабочей силы. За одну и ту же работу местное население получает больше, а мигрант – меньше.

Таким образом, в соответствии со схемой Уолдингера, структура возможностей на этом этапе оказалась весьма ограниченной. Однако необходимо отметить, что в настоящее время у мигрантов появился еще один сегмент, который требует дополнительного изучения в привязке к региональным особенностям – частное (индивидуальное) предпринимательство. Так, например, по данным отдела статистики торговой инспекции г. Балаково Саратовской области, из 7,5 тыс. официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей более тысячи человек – недавние мигранты, против 150 зарегистрированных в 1998 г.

Однако остается фактом, что именно крупные, приграничные города становятся сценой, на которой развертываются процессы межкультурного взаимодействия – восприятия и сравнения. Наблюдаемые местными жителями культурные и внешние отличия мигрантов служат функции распределения социальных ролей (торговцы на рынках, строители). Ролевое распределение культурных различий способствует тому, что эти различия становятся заметными, выпуклыми и закрепляются, а порой и институциализируются на уровне массового сознания как непреложные доминанты.

Тем не менее в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов являлось включение в принимающее сообщество с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи.

Однако, оказываясь погруженным в "свою" среду, мигрант не чувствует необходимости изменять свое поведение и восприятие мира. Он оказывается "не выключенным" из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия. Его текущее восприятие куль-

турных различий между ним и автохтонным населением можно охарактеризовать как отрицание культурных различий и защита собственной культурной самобытности.

В этих условиях для мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом, по сравнению с местным населением, с интегрированными "старожилами" на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Тщательный анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклаве, проведенный в рамках данного исследования, в целом подтвердил выводы исследовательской группы ИС РАН[7], где было выявлено, что основу взаимодействия в анклаве составляет представление [в основном]: а) информации об трудоустройстве на новом месте, б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем, в) помощь деньгами, г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т. д. и в гораздо меньшей степени – помощь конкретными делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т. д.).

Таблица 1[8]

Получение и потребление трансфертов
(в% от числа опрошенных)

Виды трансферта	Доноры	Потребители
Помогать деньгами	43,2	37,6
Одалживать машину, инструмент, оборудование	18,4	19,2
Помогать в работе по дому, ухаживать за детьми, больными, престарелыми	17,6	24,8
Лично оформлять ему регистрацию, прописку, предоставлять место в своей квартире (комнате)	12,8	13,6
Давать работу в своем бизнесе	7,2	9,6
Использовать свои связи (направить к нужному человеку), чтобы помочь ему получить регистрацию, прописку, работу, жилье и т. д.	20	68
Помогать ему советом, нужной информацией о том, куда можно пойти работать, куда вложить деньги, где найти жилье и т. д.	45,6	44,8
Помогать в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т. д.	38,4	35,2

[7] Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса (на примере азербайджанского этнокультурного анклава): Аналит. отчет / Рук. проекта В. Мукомель. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. Опрошено 200 респондентов, методика И. М. Кузнецова.

[8] Там же. С. 223.

Сеть трансфертов является важным, а часто и единственным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию на рынке труда. Большинству опрошенных такая система поиска и распределения рабочих мест кажется сама собой разумеющейся и никак не проблематизируется:

> *Мужчина 28 лет:* "Ты сейчас не устроишься в автосервис. Нужно только по знакомству, через родственников". "Ну, мне хотелось бы, конечно, в приличную фирму устроиться... Но это надо хорошие связи иметь".

В рамках этого восприятия сетевых ценностей, обеспечивающих фактически выживание в инокультурной среде, происходит активное неприятие (отрицание) инокультурных ценностей и норм поведения. Полагая, что принявшая (включившая) его социальная сеть – единственно возможное пространство-место его взаимодействия и существования, он боится стать "чужим", потерять "нужную идентичность", быть выброшенным из сетевого сообщества. За этим восприятием стоит убеждение, что все включенные в сеть обязаны разделять одни и те же этнокультурные ценности, следовать "общепринятым" в данной среде нормам поведения, поскольку эти лежащие на поверхности символические ценности являются, на его взгляд, главным критерием, определяющим включение/исключение из сети и позиционирующим его как "свой-чужой".

Более того, в условиях агрессивного инокультурного окружения, каковым являются современные полиэтнические города с их теневой структурой покупки-продажи разрешительных услуг (на регистрацию, проживание, торговлю), частыми проверками паспортного режима, в условиях, когда внешней средой непрерывно подчеркивается его инаковость, происходит восприятие иных культурных традиций и норм через призму угрозы.

Воспринимаемые культурные отличия тесно переплетаются с социальным проблемами, практиками повседневной дискриминации, и на фоне обостренного чувства угрозы своей инаковости складывается эмоционально-психологическая солидарность "своих" против "чужих". Часто под "чужими" мигрантами понимается категории "все", "местные".

На "службу" укрепления этнокультурных различий оказалось поставлено мощное средство институционализации различий – язык. Язык вражды (hate speech) оказался доминирующим в повседневном дискурсивном пространстве взаимодействия местного населения и мигрантов. Использование языка вражды прямо и косвенно способствует возбуждению межэтнической и/или религиозной вражды. Его тезаурус наполнен высказываниями о моральной, культурной и другой инаковости, неполноценности и отстроен на иррациональном восприятии страхов, слиянии культурных категорий с образом "чужого". Под воздействием этого мощного инструмента со стороны автохтонного населения у мигрантов складываются ощущение полной изолированности от местного сообщества, боязнь психологического и физического насилия над собой и членами своей семьи, близкими.

Относительно высокий уровень конкуренции на рынке труда, низкий уровень толерантности способствует тому, что в целом складывается негативное отношение к мигрантам, и каждому проступку недавно прибывшего придается этническая окраска. Описания проступков, в том числе и в СМИ, сопровождается коннотацией: "они не хотят жить по нашим законам", из-за этого "страдают наши (местные) интересы". Неудачные попытки совместных с национально-культурными центрами акций приводятся в пример неспособности интеграции со стороны мигрантов, а не местных жителей. Готовность и способность местного населения к взаимной интеграции, как правило, даже не рассматривается, будь то статьи в СМИ или концепции национальной политики. Априорно предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов.

Таким образом, в условиях достаточно интенсивных негативных внешних факторов происходит "стягивание" этноконтактных зон, происходит снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Отношения с мигрантами, выталкиваемыми на периферию общественной, социальной и политической жизни, складываются предельно инструментально и включают в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением остаются лишь "буферные точки" – люди либо небольшие группы людей, которые пользуются относительным доверием как с одной, так и с другой стороны. Это своего рода информационные "посредники", как правило, тесно включенные в теневую систему покупки-продажи разрешительных услуг, главной функцией которых является урегулирование отношений между группой (общиной) и лицами, действующими от имени местного населения (представители УВД, паспортных столов, торговой инспекции и т. д.).

Все эти факторы приводят к тому, что символическая граница между группой недавних мигрантов и местным населением часто становится "реальной стеной". Отказ местного населения, органов власти от активного вмешательства в процесс интеграции под предлогами декларируемой этнокультурной толерантности, политики невмешательства в инокультурное и религиозное поле приводит к тому, что у недавнего мигранта оказывается порой единственная возможность восстановления/сохранения культурного и символического капитала – это быть включенным в систему регенерации этнокультурных ценностей, происходящей внутри общины, и с использованием социальных сетей обмена.

На наш взгляд, можно выделить следующие ключевые факторы, приводящие к этноцентричному восприятию взаимоотношений "мигрант – местное население" и сужению этноконтактных зон между общиной и автохтонным населением:

– Отсутствие необходимого числа каналов коммуникации между общиной и местным населением, обладающих доверием и обеспечивающих информационную взаимную интеграцию.

– Низкая толерантность принимающего населения, обусловленная отсутствием опыта межкультурного взаимодействия в современных социально-экономических условиях. Сюда же можно отнести отсутствие четких учебно-образовательных программ по развитию толерантности как элемента структуры общечеловеческих навыков в системе начального и среднего образования.

– Неготовность и нежелание местного населения к интеграционным процессам, предполагающие, что усилия по интеграции должны исходить от представителей миграционных сообществ ("...нет, ну почему мы должны что- то менять? Мы здесь всегда жили и будем жить! Им надо? Вот пусть они и подстраиваются под нас!...").

– Превалирование негативных этнических стереотипов, основанных на искажениях общественного сознания, мифах и слухах, ротация которых происходит в СМИ и повседневном дискурсе местного населения.

– Эффект "культурной интервенции" – страх автохтонного населения за утрату собственных, местных традиций, обычаев.

– Стремление к унификации ("...все "кавказцы", даже если он таджик...") по внешним атрибутам. Местные жители, как правило, не способны к дифференциации мигрантов по этнокультурным маркерам. Ряд исследований подтверждает это особенно наглядно, показывая, что подавляющее число респондентов ассоциируют мигранта с "лицом кавказской национальности", хотя официальная статистика показывает, что основным регионом исхода являются республики Средней Азии и Казахстан[9].

– Отсутствие внятных перспектив последствий интеграции для местного населения. Отсутствует работа местных органов власти и общественных организаций, направленная на разъяснение положительных черт миграции (привнесение культурного и этнического разнообразия, восполнение естественной убыли населения, в том числе и экономически активной, в трудоспособном возрасте в условиях растущей депопуляции и т. д.).

– Расколотый рынок. Сложившаяся система сепарации на трудовом рынке привела к тому, что практики дискриминации и, фактически, расизма в сфере трудовых отношений стали повсеместной порочной практикой.

– "Высокие" требования к знанию языка и специфике работ. Этот фактор тесно связан с предыдущим и, возможно, является его следствием. В общественном мнении мигрант,– человек, имеющий низкий уровень образования и культуры. Однако результаты нашего эмпирического исследования, результаты исследований коллег и официальная статистика подтверждают обратное. Согласно полученным данным образовательный и квалификационно-профессиональный уровень при-

---

[9] Бадыштова И. М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) //Социологические исследования. 2003. № 3 С. 38-46.; Титов В. Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) //Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41-50.

бывающих в Россию значительно выше, чем у принимающего населения[10]. На наш взгляд, этот фактор является одной из самых весомых дискриминационных характеристик, поскольку позволяет проводить скрытую дискриминацию в условиях социально-экономической конкуренции за высокооплачиваемые места.

– Связь террористической угрозы и этничности/религиозности. Относительно новый фактор, ставший играть существенную роль в последние несколько лет. Местное население рассматривает возросший уровень террористической угрозы исключительно в ключе этничности, полагая, что основными носителями идей терроризма являются представители "чужих" этнических групп, прибывших недавно. Циркулирующая в СМИ информация о террористических актах, как правило, окрашена в этнические тона, что, в свою очередь, формирует и окончательно укрепляет представление о связи этничности и терроризма ("...ну, послушай, – какой смысл нашим, русским это делать? Это все – гости с юга...").

Проанализировав эти факторы, можно сделать вывод, что существует как минимум три измерения, определяющие возрастание социально-культурной дистанции (в понимании Р. Парка), влияющей на величину замкнутости и закрытости (изолированности) общины:

– экономическое измерение;

– социокультурное измерение;

– социально-психологическое измерение.

При этом первичную роль, на наш взгляд, выполняет социокультурное измерение, поскольку социокультурные (в частности, этнокультурные) маркеры являются наиболее яркими. На их основании производится "обыденная типизация" по принципу "свой-чужой", проецирующаяся на социально-психологическую плоскость взаимоотношений, где, в свою очередь, происходят формулирование основных принципов межличностных кросс-культурных взаимоотношений, выработка и закрепление повседневных практик взаимодействия, их аргументация.

В конечном итоге эта система повседневной аргументации привносится в сферу социально-экономических отношений (наем рабочей силы, формы и методы стимулирования, социального контроля и т. д.)

В. Мукомель в своей работе придерживается сходного набора факторов, считая, что важнейшими из них, влияющими на адаптацию мигрантов, являются[11]:

– доступность важнейших составляющих социальной среды (рынки занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания);

– социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом;

---

[10] Амелин В. Мигранты в Оренбуржье. Проблемы социальной адаптации. Оренбург, 2000. С. 13.

[11] Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 217.

– этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиции посылающего общества;

– различия в установках на адаптацию разных групп мигрантов, определяемые соотношением в миграционном потоке временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в данном конкретном месте;

– исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской;

– развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия.

При этом, результаты исследований показывают, что мигранты достаточно трезво относятся к существованию границ, барьеров между ними и принимающем сообществом.

Более половины опрошенных уверены, что "горожане" (коренные жители городов, где проводилось обследование) никогда не будут принимать мигрантов за своих, однако около половины из них считают, что в данных городах можно жить постоянно. Характерным является то, что подавляющее большинство считает, что жить надо по своим обычаям и традициям, но на улице (в публичной сфере) стремиться быть как все.

Таблица 2

Адаптационный потенциал представителей армянской общины[12]

Распределение ответов на вопросы о готовности к аккультурации,%

Насколько Вы согласны со следующим высказыванием...	Да, согласен	И да и нет	Нет, не согласен	Не знаю
В образе жителей г. Балаково (г. Саратова) есть особенности, с которыми трудно примириться	32,1	21,2	20,1	27,5
	42,3	27,2	12,4	18,1
Балаковцы (саратовцы) никогда не будут считать армян своими	56,2	17,5	14,2	12,1
	62,3	19,3	11,2	7,2
В г. Балаково (г. Саратове) можно работать и зарабатывать, но нормально здесь жить невозможно	25,4	32,1	34,2	8,3
	21,3	34,2	26,5	18,0

[12] Данное обследование проводилось в рамках исследования дискриминации на рынках труда, по методике В. Мукомеля, Центр этнополитических и региональных исследований, ИС РАН в 2004 году. См.: Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН. 2005. С. 246. п.43. Обследование проводилось в двух городах области – г. Балаково – опрошено 250 чел., (числитель) и в г. Саратове – опрошено 400 чел., (знаменатель).

Адаптационный потенциал представителей армянской общины[12]
Распределение ответов на вопросы о готовности к аккультурации,%

Насколько Вы согласны со следующим высказыванием...	Да, согласен	И да и нет	Нет, не согласен	Не знаю
Армяне, в отличие от некоторых других народов, не склонны устраивать свой дом на чужбине	12,2	23,2	34,5	30,1
	11,3	24,3	38,4	26,0
г. Балаково (г. Саратов) – русский город, и жить здесь надо согласно русским традициям и обычаям	45,3	31,1	21,1	2,5
	38,3	46,4	24,3	9,0
В городе на улице надо стремиться быть как все, но в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции своего народа	65,8	8,2	3,8	22,2
	78,2	7,2	4,5	10,1

Добровольная сегрегация общин этнических мигрантов – это осознанная стратегия приспособления/адаптации в принимающем обществе, обусловленная низкой готовностью ядра общины к интеграционным процессам. Н. Маликова отмечает, что "...для отдельных этнических меньшинств мигрантов характерно это состояние принципиальной аномии, когда они – чужаки в обществе, объект ксенофобии со стороны представителей этнического большинства. Это не только их положение в обществе, но и групповое мировоззрение (выделено мной – *К. С.*), обособляющее их в изолированную, либо слабо адаптированную общину. Полноценная межэтническая интеграция в общество для них недосягаема вследствие известных нормативно-правовых ограничений или этнодискриминационной практики"[13]. Здесь необходимо отметить, что это – выбор части мигрантов, часто не большей. Во всех обследованных общинах были и те, кто осознанно стремился к интеграции в принимающее сообщество, однако по ряду объективных причин (незнание языка, физические недостатки и т. д.) не может, но тем не менее наращивает дистанцию по отношению к своим соотечественникам[14].

[13] Маликова Н. Этносоциальные проблемы конфликтогенности миграции в современной России: Научный доклад. М., 2004, С. 6.

[14] Нужно отметить, что целевые установки на адаптацию – всегда индивидуальны. "Стратегия общины" – инструментальный термин, предполагающей, что это установки разделяемые большинством членов общины.

Символическое пространство интолерантности

Ю. П. Шабаев

На интернет-сайте Московского бюро по правам человека в июне 2008 г. появилось сообщение о том, что "в отношении хулигана, повесившего на площади в Ухте оскорбительный манекен с надписью "чурка" с прикрепленным к нему муляжом взрывного устройства, следственный отдел по городу Ухте (Республика Коми) возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ ("возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства")"[1].

Город Ухта – своего рода индустриальная столица Республики Коми. 21 июня в городском парке культуры и отдыха на 12 часов было запланировано проведение общегородского праздника "Сабантуй", организованного татарской национально-культурной автономией. Подозреваемый в совершении указанного деяния учащийся одного из технических училищ изготовил манекен и прикрепил к нему табличку из фанеры с указанной надписью. Затем рано утром повесил манекен на дерево в парке и, чтобы его не сняли, прикрепил к манекену муляж взрывного устройства. Подозреваемый был быстро задержан. На дознании он признался, что испытывает неприязнь ко "всем кавказцам", татарам, узбекам...

Сам подозреваемый является выходцем из сельского Усть-Цилемского района, где основное население – русские и представителей других этнических групп мало. Казалось бы, в той среде, в которой рос и воспитывался этот парень, не должно возникать расовой неприязни. Но, как оказалось, важен не столько личный опыт, как те общественные настроения, которые регулярно распространяются.

Что же побудило молодого человека выразить "свои" антипатии столь странным способом? Как заявил сам подозреваемый, взяв в библиотеке училища учебник по немецкому языку, он нашел в нем выпуск газеты, изданный одной из националистических организаций. Лозунг "Россия для русских" и другие ксенофобские материалы оказались созвучны его настроениям, и он "решил бороться против нерусских".

Еще ранее, в прошлом году родители младших школьников одной из школ Ухты обратились в прокуратуру по поводу избиения их детей старшеклассниками, заявляя, что в Ухте назревает межэтнический конфликт. Дело в том, что главным обидчиком их детей выступил ученик, чьи

[1] http://www.narodru/artidel17461.html.

родители не только являются выходцами из Азербайджана, но при этом отец ребенка, будучи предпринимателем, возглавляет местное закавказское землячество. На упреки родителей он внимания не обращал и всячески потакал своему невоспитанному чаду. Реакция родителей понятна, но стремление трансформировать школьный скандал в противостояние на уровне этнических общин служит тревожным индикатором.

В Ухте, как и во многих других городах и районах республики, есть группы скинхедов. В частности, здесь действует группировка "Питбуль", члены которой избивают представителей нерусского населения города, а общая ситуация в сфере межэтнического взаимодействия характеризуется некоторыми местными экспертами как довольно тревожная.

Стоит заметить, что Ухта как город появилась на карте страны в 1943 г. и являлась до этого, как и в случае с большинством других городов республики, лагерным поселком, где содержались заключенные ГУЛАГа. Республика Коми, которая получила статус автономии еще в 1921 г.[2], первоначально была фактически моноэтнической, ибо более 90% ее населения, согласно данным переписи населения 1926 г., составляли коми. Здесь же проживали и небольшие группы русского старожильческого населения, а также ненцы. Ситуация стала меняться с 1929 г., когда на данную территорию стали прибывать спецпереселенцы – раскулаченные крестьяне из разных регионов страны. С начала 1930-х гг. Коми превращается в один из главных центров ГУЛАГа, а общее количество заключенных в конце того десятилетия составляло 100 тыс. чел., тогда как все население республики было около 300 тыс. Руководство области само ходатайствовало перед правительством страны о присылке как можно большего числа заключенных, ибо видело в них единственно возможную рабочую силу на Севере.

ГУЛАГ был полиэтническим: в Коми ссылали поляков, немцев, литовцев, эстонцев, финнов, азербайджанцев, узбеков и представителей многих других народов. В 1941 г. после массовых высылок людей с территорий, прежде принадлежавших Польше, в городе Сыктывкаре, в котором до этого преобладали коми, повсюду была слышна польская речь. В городе даже была создана польская школа. Спецпереселенцам и заключенным лагерей строго запрещалось контактировать с местным населением, и потому ГУЛАГ не стал для местного населения "школой интернационализма". Две социальные и этнические среды в республике существовали длительное время как бы параллельно, не вступая в тесное взаимодействие.

Ситуация резко изменилась во второй половине 1950-х гг., когда началось массовое освобождение заключенных лагерей. Тогда же в

[2] Как автономная область, с 1936 г. Коми – автономная республика.

республику на лесоразработки, угольные шахты и нефтепромыслы стали прибывать тысячи вольнонаемных. Именно в те годы начинается резкий рост межэтнических браков, а местные коми превращаются из большинства в этническое меньшинство, доля которого в населении неуклонно снижается.

Столь резкое изменение этнического состава населения стало одновременно и наглядной иллюстрацией к утвердившемуся в 1970-е гг. концепту советского народа как "новой исторической общности людей", как надэтническому сообществу. Интервьюеры тогда (и позже) с полной искренностью и убежденностью говорили этнографам, что скоро все народы страны перемешаются и станут похожи друг на друга. Будущее "смешение" в те годы не воспринималось как некая культурная трагедия. Между тем, полной гармонии в отношениях между представителями различных этнических групп не было и тогда. Русское большинство республики воспринимало местных коми как неких социальных аутсайдеров, а некоторая часть бывших заключенных воспринимала титульное население вообще достаточно враждебно, ассоциируя его с теми, кто был "по ту сторону проволоки". К рыночным торговцам-азербайджанцам, привозившим в республику весной гвоздику и мандарины, тоже отношение было негативное ("спекулянты"). Однако негативные стереотипы уравновешивались идеологическими штампами и укоренившимися обывательскими стереотипами о "дружбе народов".

Штампы стали разрушаться во второй половине 1980-х гг., когда в стране возникли открытые конфликты, а на политической арене появились этнические движения и организации. Лидеры этих движений, утверждая, что их главная цель – сохранить язык и культуру своего народа, фактически действовали на подрыв гражданского согласия. Чего стоили одни только лозунги, мол, никакого "общего дома" у граждан быть не должно и "каждый народ должен иметь свою квартиру" (почти дословно цитирую одного из бывших министров, возглавлявших Минцнац республики).

На протяжении почти 15 постсоветских лет в основе региональной этнонациональной политики лежала идея этнической сепарации. Конечно, ответственные лица не призывали к тому, чтобы этнические общины огородились одна от другой, но, в первую очередь. поддерживалось стремление этнических элит к культивированию отличительности "своего народа", и ничего не делалось для пропаганды гражданского согласия и, тем более, для утверждения идеи гражданской нации, идеи российскости.

Радикалы из среды движения коми (которые затем заявили о своей оппозиции к нему) устраивали откровенно провокационные акции. Особенно заметной в этом плане была "правозащитная" партия "Дорьям Ась-

нымöс", выступавшая против "колониального режима и колониальной политики", "чтобы не допустить участи чеченцев и полного уничтожения коми на своей земле"[3]. Одна из активисток партии Н. Красильникова даже выпустила брошюру, в которой утверждалось, что Республика Коми – это собственность народа коми, который здесь полный хозяин и должен диктовать всем остальным этническим общинам, как себя вести. При этом прокуратура тогда на многочисленные провокационные заявления и материалы внимания не обращала.

Впрочем, некой гарантией, что действия национал-радикалов не смогут влиять на общественное мнение, служило то, что межэтническое взаимодействие в повседневной жизни было очень интенсивным. Трудовые коллективы в большинстве своем состояли из людей разной этнической принадлежности, а по доле межэтнических браков республика была на одном из "первых мест" в стране. В конце 1980-х гг. из каждой 1000 браков 377 были заключены между представителями разных этнических групп. Сегодня эта тенденция сохраняется. У коми половина всех браков в последние десятилетия – это браки межнациональные. Поэтому не случайно, что среди всех групп населения этнонациональные организации пользовались довольно ограниченной поддержкой[4].

Как показали в середине прошлого десятилетия результаты опросов, в массовом сознании продолжало сохраняться восприятие России как "общего дома" для всех населяющих ее народов[5]. Вместе с тем общереспубликанский опрос того времени показал, что межэтнические отношения в Коми приобрели довольно проблемный характер. Опрашиваемые указывали на некоторые этнические общины, к интеграции с которыми не были готовы. Наибольшая степень недоверия была высказана в отношении азербайджанцев, грузин, армян, чеченцев и представителей среднеазиатских народов. Вариант культурной адаптации представителей этих групп ни русскими, ни коми респондентами не поддерживался, а треть всех респондентов выступала за то, чтобы названные этнические группы уехали из республики.

Если бы власти республики последовательно вели линию на укрепление гражданской солидарности, на формирование общереспубликанской идентичности и пропаганду культурного и политического единства россиян, многое могло бы измениться в общественном восприятии за последующие годы. Но усилия так называемой национальной политики направлялись на поддержание в массовом сознании идеи

---

[3] Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Т. 2. М., 1997, с. 274.

[4] Вестник Государственного Совета Республики Коми. 1996. № 3.

[5] 69% респондентов в ходе опроса, проводившегося в рамках реализации программы Социально-психологического мониторинга РК, согласилось с этим в 1996 г.

этнического разделения и иерархии. Привычные штампы из лексикона республиканских властей "коренной народ", "некоренное население". Основное направление такой политики – выделить главную группу народов, укрепив якобы тем самым финно-угорское единство.

Между тем, западные "родственники" не рассматривают культурные контакты с коми и другими "восточно-финскими народами" в терминах безусловного единства, как это делают чиновники и этнические антрепренеры в российских регионах. Идея "финно-угорского мира" была предназначена только для внутрироссийского употребления, поскольку, к примеру, в Финляндии (в Эстонии и Венгрии схожая ситуация) постоянно подчеркивается, что российские финно-угры – это kielisukulaiset, т. е. только родственники по языку и не более.

Но в России финно-угорское единство абсолютизируется, и активисты вкупе с чиновниками стремились представить финно-угорские народы как бы отдельно от культурного пространства страны. Псевдонаучная идея приобретала на практике порой совершенно нелепые формы. Стали, например, проводить... конкурсы красоты финно-угорских девушек или боксерские турниры финно-угорских боксеров. А недавно власти Коми выступили с инициативой проводить у себя ежегодно летние и зимние игры для финно-угорских народов[6].

Политика, направленная на разрушение единого гражданского самосознания, дала свои плоды. По данным опроса РОМИР, проведенного в республике в 2000 г., только треть респондентов заявила, что жители Коми составляют единое сообщество, объединенное общими интересами и общими целями.

Другое следствие упомянутой политики – рост интолерантности. Об этом свидетельствуют данные общереспубликанского опроса, проведенного нами в 2004 г. Среди ксенофобских настроений особенно сильно проявлялась, по данным исследования, "кавказофобия" и вообще неприятие в отношении "выходцев с юга". Только 34,9% респондентов сказали, что для них не существует национальностей, которые вызывали бы у них реакцию отторжения. При этом 40,2% опрошенных заявили, что не доверяют представителям кавказских народов. На общественные настроения оказывают воздействие не только старые предрассудки и стереотипы, но и реальности современного мира. В частности, к таковым относится угроза мусульманского экстремизма, по поводу которой средства массовой информации пишут с завидной регулярностью. Эта угроза провоцирует рост недоверия к мусульманам вообще. По данным указанного опроса, негативное отношение к рос-

[6] Шучалина Дарья. Федерация лыжных гонок поможет Коми в организации финно-угорских игр//finougor.ru.

сийским мусульманам высказали 26,9%, что вдвое превышает долю тех, кто заявил о своем позитивном отношении к представителям этой конфессии.

Очевидно, что с разделенным обществом, каковым было и остается население Коми, не может успешно интегрироваться культурно отличительный мигрант. Скорее, он предстанет для общественного мнения как угроза, еще один "чужой" и "некоренной".

Свидетельством роста ксенофобских настроений в республике стало увеличение количества национал-радикальных групп. Выросло количество акций, предпринимаемых этими группами. За последние два года в республике буквально массовыми тиражами распространялись листовки, возникали надписи на стенах домов и заборах, направленные против представителей кавказских народов. Если 1990-е гг. характеризовались активной деятельностью этнонациональных и этнокультурных движений и организаций и их полным доминированием на поле общественной активности, то в 2000-е гг. их потеснили группы скинхедов, организаций национал-патриотического и антимигрантского толка.

Первая группа скинхедов возникла в Сосногорске в конце 1990-х гг., и их тогда не воспринимали всерьез, но затем эти группы появились повсеместно. В 2005 г. ряды национал-радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Юрий Екишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. В этот день члены Союза вышли на центральную площадь Сыктывкара под лозунгами "Русскую нефть – в русские руки", "Остановим оккупацию нашей земли". Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами "Русские, вооружайтесь", "Россия против оккупантов!". Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. В тексте листовок также указывалось: "Миллионы иностранцев незаконно переселяются на наши земли... захватывая целые сферы экономики, промышляя наркотиками, оружием, поддельной водкой и фальшивой валютой, осуществляя грабеж, насилие над коренным населением, эти преступные элементы почувствовали себя полноправными хозяевами России". Далее следовало заявление о том, что через 20 лет мигранты станут полными хозяевами страны, и выдвигалось требование "ограничить иммиграцию", ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, "радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов" и следовало напоминание: "наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!". Среди листовок, распространяемых от имени Движения против нелегальной иммиграции, с которым солидаризировался Союз национального возрождения, были лис-

товки с текстом "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Славянка! Русская честь дороже кавказских денег". Характерно, что сам лидер организации имеет глубокие местные корни и в лозунгах его организации очень часто присутствовал призыв типа: "Русские и коми объединяйтесь против мигрантов, против кавказцев".

В 2007 г. Екишев был осужден на полтора года колонии-поселения, а затем наказание было ужесточено, поскольку ему были инкриминированы еще несколько противоправных деяний. Но часть республиканской общественности восприняла наказание как не вполне адекватное, ибо осудили "талантливого писателя". В колонию-поселение к Екишеву даже выезжала бывший министр по делам национальностей. Ни СМИ, ни политическая элита не воспользовались случаем, чтобы начать создавать вокруг ксенофобов атмосферу нетерпимости, вести кампанию по укреплению гражданского согласия в республиканском социуме. Более того, и правозащитники, и часть медийного пространства открыто стала поддерживать ксенофобские выступления, рассматривая их как стремление к защите свободы слова[7].

В результате в Коми сложилась ситуация, которая благоприятствует росту ксенофобии. Гражданская солидарность крайне слаба, и никаких целенаправленных мер по ее укреплению не предпринимается, отношение к ксенофобам в целом лояльное и со стороны прессы, и со стороны интеллектуальной элиты, а в визуальном пространстве городов и поселков повсеместно присутствуют антимигранские, антикавказские, антисемитские лозунги, сдобренные фашистской символикой.

В Республике Коми ксенофобские лозунги – в числе основных тем граффити. Образчики "настенной живописи" можно обнаружить как в городе, так и на селе. А социальной рекламы и систематического информационного воздействия на аудиторию с целью формирования культуры толерантности просто не существует.

Именно в городах ксенофобские выступления и опасность межэтнических конфликтов сегодня довольно высока, причем даже там, где население давно сформировано из крупных этнических общин. Таким городом, например, является нефтяная столица Коми Усинск. Здесь помимо русских, коми, украинцев есть большая татарская и башкирская общины, здесь много таджиков и выходцев с Кавказа. Но в прошлом году именно здесь возник конфликт. Представители малого бизнеса обвинили выходцев с Кавказа в попытке монополизировать местный рынок розничной торговли, а городские власти – в потворстве этим попыткам.

---

[7] Шабаев Ю. Ксенофобия как повседневность //Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 78, 2008.

Если ничего не предпринимать, в перспективе конфликты неизбежны. Доля отдельных этнических общин в составе населения республики сокращается (так, почти вдвое сократилось число украинцев и татар межу переписями населения 1989 и 2002 гг.). Доля же представителей кавказских народов не меняется, а численность азербайджанцев в республике возросла на 50%. Есть основания полагать, что в дальнейшем доля названных этнических групп возрастет.

Лидеры этнокультурных организаций азербайджанцев, грузин, армян стараются поддерживать добрые отношения не только с властями, но и с представителями других общин. Но вместе с тем они все чаще говорят о многочисленных проблемах, которые мешают нормальной жизни, и о неготовности по этой причине определенной части своих соплеменников к интеграции с местным сообществом.

Понимание того, что в региональной этнонациональной политике должны быть изменены ориентиры, уже пришло. Об этом свидетельствует тот факт, что республиканский финно-угорский культурный центр переименован в Дом национальностей, что все чаще политики говорят о культуре толерантности и необходимости укрепления гражданского единства.

Но вместе с тем нет еще понимания того, как именно следует добиваться этого самого гражданского единств. Все акции, направленные на поддержание единства, носят, как и в советские времена, парадный характер. Не создаются стимулы для распространения стереотипов толерантности и гражданской солидарности. Чиновники все также используют прежнюю риторику "коренной-некоренной". Нет, наконец, и программы культурной интеграции, как нет и понимания ее необходимости.

Киргизия против ксенофобии в России

Л. Л. Хопёрская

4 февраля 2008 г. представители киргизской диаспоры в России распространили заявление в связи с убийствами в России пяти граждан Киргизии. В нем высказана чрезвычайная обеспокоенность "создавшейся в последние годы ситуацией, связанной с обеспечением безопасности граждан, ростом преступлений на почве национальной и расовой нетерпимости, проявления ксенофобии и национализма". В заявлении говорится, что это результат деятельности на территории России "националистически настроенных групп", с сожалением констатируется: "великий российский народ, победивший фашизм, в основной своей массе безмолвно наблюдает за происходящим. Эти националистически настроенные группы забыли, а, может быть, и вовсе не знают, что в борьбе за освобождение нашей общей Родины во время Великой Отечественной войны погибли тысячи киргизстанцев, чьи дети и внуки сейчас живут на российской земле". Вслед за этим заявлением в общественном дискурсе Киргизии тема усиления ксенофобии в России заняла ведущее место.

Ассоциация киргизских диаспор России и Казахстана "Замандаш" распространила информацию о том, что в 2007 г. в России погибли 350 киргизских граждан, при этом, судя по тексту заявления, все они стали жертвами "нападений фашиствующей молодежи". Заметим, что по данным Московского бюро по правам человека, в 2007 г. на территории Российской Федерации зафиксировано "230 случаев нападений и конфликтов на почве ксенофобии. В них погибли 74 чел. и не менее 317 получили увечья".

Представители неправительственных и правозащитных организаций КР приняли Обращение к президентам Киргизии и России, в котором говорится: "Мы выражаем свою глубокую обеспокоенность убийствами граждан КР в РФ. У киргизстанской общественности нарастают опасения, что эти убийства совершаются на основе расовой нетерпимости. Мы требуем эффективного расследования и привлечения к ответственности лиц, совершивших убийства наших сограждан. Мы призываем руководство Киргизстана и России проявить политическую волю и принять все необходимые меры для предотвращения всех форм расовой дискриминации и ксенофобии".

Лидеры общественных организаций, представляющих киргизскую диаспору в России, обратились к Президенту КР К. Бакиеву с просьбой о встрече с ними во время его визита в Москву для участия в неформальном саммите СНГ, чтобы "рассказать ему о трудностях, с которыми сталкиваются трудовые мигранты, а также о тревожной ситуации в связи с участившимися жестокими нападениями на гастарбайтеров в Москве и Санкт-Петербурге".

У здания посольства России в Киргизии 22 и 29 февраля прошли акции протеста "против ксенофобии и участившихся нападений скинхедов на киргизстанцев в России". В акциях участвовали активисты правозащитной группы "Кылым шамы", Молодежной правозащитной группы, Центра защиты прав граждан и ряда других неформальных организаций. Они требовали "найти и наказать виновных". Но акции были немногочисленны (до 20-30 чел.) и непродолжительны (немногим больше часа). С пикетчиками побеседовал пресс-секретарь Посольства В. Харченко, который заявил: "Главное – не потворствовать попыткам превратить статистику преступлений в повод для международного скандала".

В то же время Посольство Киргизии в России обратилось с нотой в МИД, МВД и Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой привлечь виновных к ответственности. Председатель Государственного комитета КР по миграции и занятости А. Рыскулова заявила: "Горько получать информацию о том, что наши соотечественники попадают в такую беду. Мы видим тенденцию к увеличению количества преступлений, совершаемых скинхедами в России. Руководство нашей республики осудило их действия". Принято решение о том, что семьям погибших трудовых мигрантов правительство Киргизстана окажет поддержку. В частности, государство берет на себя бесплатную доставку их тел для захоронения на родине. Семьям пострадавших будет оказана помощь "в найме юристов, чтобы они могли подать в суд для получения компенсации".

Парламент подготовил обращение к Госдуме и Совету Федерации Федерального собрания РФ, в котором говорится: "Киргизстан всегда с искренним уважением относится к общей истории киргизского и русского народов, в которой нам пришлось пережить достаточно сложные события и этапы – две мировые войны, Октябрьскую социалистическую революцию, 70-летний период СССР и многое другое. И мы в сердцах храним теплоту и благодарность российскому народу за братскую помощь и заботу в становлении киргизской государственности <...> Хотелось бы отметить, что древняя история, культура, традиции и толерантность киргизского народа всегда вызывали добрые и искренние чувства россиян. И это очень важно для нас, особенно сейчас, когда тысячи наших соотечественников проживают в качестве трудовых

мигрантов в России <...> Вместе с тем, основываясь на наших многолетних конструктивных отношениях, парламент Киргизстана – Жогорку Кенеш Киргизской Республики выражает серьезную озабоченность и глубокое сожаление по поводу участившихся убийств граждан Киргизской Республики в городе Москве и увеличения количества подобных преступлений в Российской Федерации в отношении граждан Киргизстана, и просит Государственную Думу и Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации принять меры по обеспечению безопасности наших граждан, проживающих на территории России, также взять под особый контроль расследование уголовных дел по данным фактам".

В ходе обсуждения проекта обращения депутат парламента А. Мамасалиев счел его излишне дипломатичным и заявил о необходимости составить, в отличие от предложенного проекта, четкое и конкретное обращение. "Последние убийства не позволяют нам дипломатично отмалчиваться Мы должны подчеркнуть, что Россия обязана соблюдать международные обязательства. В связи с последними убийствами мы должны подчеркнуть, что в нашем обществе среди населения Киргизстана формируется неблагоприятная атмосфера взаимодействия с Россией". По мнению депутата, парламент КР должен в своем обращении к российским коллегам подчеркнуть, что это не просто убийства, а убийства, связанные с национальной рознью, и что эти убийства осуществляют радикальные организации, задача которых — разжечь межнациональную рознь и ухудшить взаимоотношения Киргизстана с Россией.

Неправительственные организации поставили вопрос об ответственности за случившееся не только в адрес российской власти, но и в отношении органов власти Киргизии. Лидер ассоциации "Замандаш" Ж. Абдуллаев заявил: "В последнее время убийства на национальной почве участились. Власти других государств мгновенно реагируют на такие факты, у нас работает целый государственный орган по миграции, и никакой реакции". К его критике присоединились депутаты парламента Киргизстана С. Кадыралиев и Р. Отунбаева, которые считают, что за убийство киргизстанцев в России, в первую очередь, необходимо призвать к ответственности посла КР в РФ Р. Аттакурова. "Посольство КР в России не имеет никакой ценности для киргизстанцев, работающих там. Наши дипломаты ничего не делают для трудовых мигрантов. В это посольство даже не попадешь на прием". Было сказано также, что посол КР в РФ ни разу не выступил с публичным заявлением по факту убийств киргизстанцев. "Такой посол не может защитить интересы Киргизстана и его граждан".

Депутат Э. Акрамов предложил иной взгляд на ситуацию: "Мы видим на экранах телевизоров шагающих по улицам фашистов, как это было

в 1940-е гг. Мы были свидетелями того, как погибали "лица кавказской национальности <...>. Не будем забывать и о своих "ошских событиях". Мне кажется, мы направляем силы не туда, куда нужно". Он предложил: "подойти к вопросу разумно: не обострять межгосударственные отношения и в то же время помнить о том, что Киргизстан должен иметь свое лицо. Нельзя давать укореняться идее, способной разрушить все и вся, идее национализма, и нельзя идти у нее на поводу".

Бывший сотрудник МИД КР, а ныне независимый эксперт Б. Джунусов опубликовал статью, растиражированную республиканскими СМИ, под названием "Умение понимать другие народы", в которой изложены достаточно жесткие обобщения. "Что-то не то творится с Россией. Люди боятся ездить в Россию, <...> зная, что в любой момент они могут подвергнуться насилию, моральному унижению или погибнуть от рук молодчиков". "Движение националистов принимает еще более организованные и массовые формы. За это время прошли погромы в Кондопоге. Теперь российские расисты его гордо называют "городом-героем". В России под Краснодаром открылся первый концлагерь для "нелегальных иммигрантов". В торжественной церемонии лично участвовал губернатор края Ткачев. После нападений в большинстве случаев задержанных националистов российские суды судят за хулиганство, а не за экстремизм и разжигание расовой и религиозной вражды. В столице России 4 ноября 2007 г. состоялся третий по счету "Русский марш". Вообще этот день определен Кремлем как праздник – День народного единства. Но почему больше всего празднуют его скинхеды, хулиганы, националисты, фашисты и расисты? "Россия для русских!", "За славянскую русскую нацию!" и "Славяне, русские, сила!" – это основные лозунги демонстрантов. Колонну празднующих сопровождает милиция, а их маршрут пролегает вдоль Дома правительства России. И ничего. Все нормально". Б. Джунусов задается вопросом: "Почему все это сегодня возможно в современной России?" И предлагает ответ, который потом неоднократно повторили местные политики и журналисты: "Вероятно, потому, что власти используют национализм как оружие в политических процессах. Видя циничные манипуляции власти с темой национализма, неудивительно, что экстремистам кажется, будто они могут безнаказанно избивать и убивать нерусских. Сегодня часть российской элиты эксплуатирует самые низменные чувства, стереотипы. В российском обществе сложилась очень сложная ситуация, когда нормальные идеи патриотизма, русского патриотизма, начинают ассоциироваться с идеями фашистскими, превращаясь в идею национального превосходства". Примечателен и вывод, к которому приводит автор читателей: "нет видимых шагов политических кругов страны к решению проблем безопасности мигрантов".

Другой известный в республике эксперт А. Князев, напротив, уверен, что "в явлении ксенофобии нет политического заказа действующей российской власти. Хотя можно нередко встретить в прессе эдакие намеки. Но есть другой политический заказ". Он считает, что "внешние силы используют Киргизстан в разжигании скандала вокруг нападений на граждан КР в России", что "повышенный ажиотаж, который проявляют СМИ в каждом случае ксенофобии и национализма в России, решает, помимо иного, и вполне определенную задачу: подпортить растущий положительный имидж РФ в мире и в странах бывшего СССР в частности". По его мнению, "непростая проблема трудовых мигрантов просто-напросто используется для нанесения ущерба и международному имиджу России в целом, и российской политике в Центральноазиатском регионе. Ведь не бывает таких случайностей, когда и всплеск внимания СМИ, и активность НПО, и поручения президента, и обсуждения в парламенте – все совпадает во времени... Я уверен, что здесь не обходится без влияния внешней силы, в последнее время весьма утратившей свои позиции в регионе".

А. Князев отмечает, что "рост национализма и самых разных фобий – этнических, религиозных, межрегиональных, расовых и так далее, и тому подобное – глобальное явление нашего времени", но в то же время Россия – "единственная из стран постсоветского пространства, которая не избрала для себя путь этнократии. В российском истеблишменте в этническом плане кого только нет... Могут ли подобным похвастаться те, кто считают себя предельно демократическими – Грузия, Украина, Киргизстан, наконец? Увы..." Более того, он утверждает, что российские соотечественники в Киргизстане, и не только славяне, а все представители нетитульных национальностей, да и русскоязычные киргизы, чувствовали на себе националистические настроения на протяжении всего постсоветского периода, временами в мягких формах, иногда острее. "Российскую милицию обвиняют в том, что все уголовные дела, связанные с преступлениями против мигрантов, возбуждаются по статье "Хулиганство". А вам известны в Киргизстане уголовные дела, связанные с обвинениями в разжигании межэтнической или иной розни, с преступлениями, имеющими этнические мотивы? Я таких дел не знаю".

О значимости поднятых вопросов, о том, что ксенофобия стала одной из острейших проблем для всего постсоветского пространства шла речь и на неформальном саммите глав государств – участников Содружества Независимых Государств 22 февраля 2008 г. Президент России В. Путин: "граждане стран СНГ, в том числе в России, сталкиваются подчас с проявлениями ксенофобии, нетерпимости и даже с преступными посягательствами на их жизнь. Мы сожалеем и сделаем все

для того, чтобы преступники были найдены, изобличены и наказаны. Будем бороться с этим неизменно и постоянно. Вместе с тем мы с вами прекрасно понимаем, что такие проявления национализма и ксенофобии непосредственно связаны с тем, как власти регулируют проблемы миграции. Именно поэтому – я уже говорил об этом ранее – мы приняли решения в сфере экономики, малого бизнеса, руководствуясь прежде всего этими соображениями, чтобы граждане стран СНГ, которые приезжают на временное проживание в Россию, либо хотят остаться на более длительный срок, были защищены, а местное население тоже не чувствовало себя ущемленным, прежде всего на рынке труда. У нас позиция открытая, ясная. Повторяю еще раз: что касается преступных проявлений – будем с этим бороться".

Прояснению позиции России в отношении трудовых мигрантов из Киргизии было посвящено интервью руководителя представительства Федеральной миграционной службы России в Киргизии В. Филиппова республиканской газете[1], опубликованном в статье "Россия стремится облегчить жизнь мигрантам. А отморозков хватает везде ...".

В публикации говорится о том, что не следует до окончания расследования уголовных дел квалифицировать их как целенаправленные преступления против киргизстанцев, и приведены следующие факты: из 14 убийств граждан КР на территории России шесть совершены гражданами КР; в 2007 г. гражданами Киргизии в России совершено 3318 уголовных преступлений, а против них – 1058. В. Филиппов считает, что одной из причин формирования антироссийских стереотипов является то, что местные СМИ мало сообщают о раскрытых преступлениях, об обезвреженных криминальных группировках.

Вскоре после неформального саммита по инициативе российской стороны состоялись встречи Посла России в Киргизстане В. Власова с руководством МВД, МИД и комитета по международным делам и межпарламентскому сотрудничеству Парламента КР, в ходе которых были обсуждены вопросы расширения гуманитарного сотрудничества. Стороны сошлись во мнении о необходимости регулярного проведения подобных встреч, которые представляют практический интерес и служат дополнительным механизмом укрепления дружбы между народами России и Киргизии.

Результатом проделанной обеими сторонами работы можно считать то, что выборы президента России, в которых приняло участие более 4 тыс. российских граждан, проживающих в Киргизии, прошли успешно, никаких провокаций или протестных акций не было.

[1] "Дело № ..." от 27 февраля 2008 г.

Кавказцы в Карелии

Е. И. Клементьев

Переписью 2002 г. в Карелии был учтен 716281 чел., в т. ч. 537395 горожан, или 75% всего населения республики. Самыми крупными по численности национальностями являлись русские (548,9 тыс. чел.), карелы (65,7 тыс. чел.), белорусы (37,7 тыс. чел.), украинцы (19,2 тыс. чел.) и финны (14,3 тыс. чел.).

Из представителей народов Кавказа переписью были зарегистрированы абазины (1, 1) (первая цифра – общая численность, вторая – горожан), абхазы (14, 13), аварцы (91, 85), агулы (18, 18), адыгейцы (12, 8), азербайджанцы (1753, 1629), армяне (1599, 1466), балкарцы (15, 14), грузины (540, 505), мегрелы (1, 1), даргинцы (175, 153), езиды (9, 9), ингуши (96, 91), кабардинцы (50, 44), карачаевцы (28, 27), кумандинцы (1, 1), кумыки (38, 33), лакцы (33, 32), лезгины (172, 138), ногайцы (5, 3), осетины (142, 125), рутульцы (14, 12), табарасаны (22, 20), цахуры (1, 1), черкесы (13, 11), чеченцы (393, 331). Всего около 5300 чел. представителей народов Кавказа из числа указавших свою этническую принадлежность. В целом доля представителей кавказских народов в Карелии невелика (0,7%). Три наиболее крупные этнические группы (азербайджанцы, армяне, грузины) составляют почти 64% кавказцев. Среди остальных этнических групп достаточно многочисленны чеченцы.

Основная часть представителей кавказских народов сосредоточена в г. Петрозаводске. Жителями столицы РК являлись абазины (1 чел.), абхазы (8 чел.), аварцы (23 чел.), агульцы (11 чел.), адыгейцы (3 чел.), азербайджанцы (1203 чел.), армяне (1037 чел.), балкарцы (13 чел.), грузины (368 чел.), ингуши (40 чел.), кабардинцы (8 чел.), карачаевцы (18 чел.), лак (5 чел.), лаки (5 чел.), лакцы (8 чел.), лезги (1 чел.), лезгины (73 чел.), осетины (67 чел.), рутульцы (7 чел.), талыши (57 чел.).

Наиболее многочисленные группы азербайджанцев проживали в Сегежском (133 чел.)., Кондопожском (77 чел.) и Медвежьегорском (48 чел.) районах. Районом компактного расселения армян являлся приграничный с Финляндией Сортавальский район (106 чел.). Небольшие по численности группы грузин (от 2 до 30 чел.) расселены во всех 15 районах Карелии. Дисперсно, по несколько человек, практически во всех 15 районах были расселены лезгины и осетины. Жителями 14 районов являлись чеченцы, но основная их часть была компактно сосредоточена в Кондопожском (95 чел.) и Олонецком (53 чел.) районах.

Приток кавказцев в Карелию происходил в различные годы, но больше всего их приехало в республику в 1980-1900-е гг. Так, с 1989 г. по 2002 г. численность азербайджанцев увеличилась с 620 чел. до 1753 чел., армян с 527 чел. до 599 чел., чеченцев с 78 до 393, менее интенсивен был прирост грузин (с 366 чел. до 540 чел.). Насколько верны показатели столь быстрого прироста представителей Кавказа и Средней Азии – трудно сказать.

В настоящее время в республике действует около 40 национальных общественных объединений. Вслед за прибалтийско-финскими народами (карелами, вепсами, финнами-ингерманладцами), русскими, евреями, создавшими свои общественные организации в конце 1980-х и в первой половине 1990-х, в объединительный процесс были вовлечены и кавказцы. Во второй половине 1990-х гг. свои общественные организации создали грузины, азербайджанцы, армяне, в начале 2000-х гг. – чеченцы и ингуши. Остальные этнические группы кавказцев не объединены в общественные организации.

При всей самостоятельности общую координацию деятельности общественных объединений осуществляет созданный в 25 декабря 1996 г. Совет руководителей национально-культурных обществ и движений Республики Карелия. Основное внимание Совет уделяет вопросам взаимодействия общественных организаций, проводит совместные мероприятия, откликается на важные события в республике и в стране. Совет, в частности, обсудив события в Беслане, единодушно признал, что такие встречи способствуют сохранению спокойствия и предотвращению конфликтов в республике.

Общество грузинской культуры образовано 29 мая 1996 г. Зарегистрировано Министерством юстиции РК 15 августа 1996 г. Грузины появились в Карелии в 1930-е гг., принимали участие в строительстве Беломорканала, в советско-финской войне 1939-1940 гг. Предполагают, что в те годы какая-то часть грузин также осела в Карелии. Значительную часть членов общества составили беженцы из Южной Осетии и особенно из Абхазии.

Основные цели и задачи Общества: объединение грузинской диаспоры в РК для возрождения грузинской культуры в диаспоре, исторической памяти, духовности и просвещенности, а также содействие сотрудничеству между народами и государствами; создание условий для функционирования грузинского языка; распространение национальной грузинской культуры и искусства, литературы и истории; содействие формированию национальных творческих коллективов; изучение истории грузинской диаспоры в Карелии, ее роли в общественной и культурной жизни РК; установление и развитие культурных связей с Грузи-

ей, хранителями национальных грузинских традиций в иных регионах России и за рубежом и др.

Общество вносит интересные инициативы, направленные на развитие толерантности в нашей многонациональной республике, укрепление добрососедских отношений между народами. "Мы хотим дружно жить в нашем общем доме", — говорят они.

Среди грузин люди различных профессий: учителя, врачи, ученые, предприниматели, художники, литераторы, музыканты.

Карельская республиканская общественная организация азербайджанцев "Авеста" зарегистрирована Министерством юстиции РК 23 октября 1997 г. "Авеста" объединяет до 1500 чел.

Цели и задачи организации: защита права азербайджанцев, проживающих на территории Карелии; содействие сохранению и развитию всех компонентов национальной культуры; представление и поддержка культурных и социальных интересов членов азербайджанской диаспоры в местных и региональных органах власти.

Азербайджанская диаспора РК чтит и сохраняет традиции и обычаи своего народа, отмечает все национальные праздники. 21 марта — Новруз-байрам — свой Новый год, Курбан-байрам — праздник "жертвоприношения" (в жертву приносится священный баран). Праздники для Карелии новые, экзотические, тем не менее, постепенно становятся привычным явлением в жизни Петрозаводска. В праздниках участвуют не только азербайджанские семьи, но и семьи карельские, русские, армянские, семьи других национальностей. "Авеста" одна из организаторов матча по мини-футболу между диаспорами РК на "Кубок Содружества Наций". Азербайджанская диаспора была одной из организаторов интернациональной Благотворительной елки для детей из детских домов. По инициативе "Авеста" впервые в Петрозаводске народные артисты Азербайджана выступили на сцене Национального театра (2004 г.). Организация осуществляет контакты и совместную деятельность с национальными организациями — армянской, грузинской, украинской, татарской, еврейской, греческой.

"Авеста" имеет связи с Карельским Представительством Международной Ассоциации борьбы с наркоманией и наркобизнесом, сотрудничает с органами власти РК и администрацией г. Петрозаводска. Председатель "Авеста" Заман Расулов является членом Общественного Совета руководителей национально-культурных объединений и движений РК при Главе самоуправления г. Петрозаводска.

С июня 2004 г. "Авеста" входит в состав Всероссийского Азербайджанского Конгресса. 19 октября 2004 г. руководитель организации принял участие в работе II съезда Всероссийского Конгресса. В планах

"Авеста" организация воскресной школы для детей, издание газеты и организация национального танцевального коллектива.

Армянское культурное общество "Ахпюр" образовано 3 апреля 1998 г. Армянская диаспора в Карелии сформировалась из двух основных потоков: тех, кто осел в Карелии в 1940-1980-е гг., и приехавших в республику в последнее десятилетие. В начале 1990-х гг., в связи с преследованием армян в Азербайджане, значительная часть беженцев расселилась в городах и весях России, в том числе в Карелии, заметно пополнив проживавшие армянские диаспоры.

Цели и задачи общества: способствовать сохранению этнической и культурной самобытности армян, временно или постоянно проживающих на территории Карельской АССР; активно участвовать во всех благотворительных мероприятиях, проводимых фондом культуры, советскими органами на территории Карельской АССР и за ее пределами. активизировать общественно-полезную деятельность, разумно и полезно используя свободное время граждан; расширять кругозор и развивать этнические вкусы членов общества, содействовать сотрудничеству между народами и государствами.

Для достижения целей общество ведет пропагандистскую, культурно-просветительную работу, привлекая лучшие научные и творческие силы республики и страны; проводит изучение армянского языка среди детей и взрослых. Общество организовало воскресную школу, информирует общественность о своей деятельности через средства массовой информации и путем издания собственного бюллетеня, способствует изучению истории и культуры Армении путем проведения лекций с детьми и взрослыми, организует и проводит встречи, концерты и другие мероприятия по культурным, историческим, общественным, экологическим и другим проблемам.

Национально-культурная автономия (НКА) армян учреждена путем реорганизации Общества армянской культуры "Ахпюр". Зарегистрирована 3 апреля 1998 г., объединяет около 220 семей армян Карелии, в том числе 150 семей в Петрозаводске, всего более 800 чел.

Цели и задачи НКА: сохранение национальной самобытности, родного языка, традиций и обычаев армянского народа; создание условий для функционирования армянского языка; содействие развитию национального образования, становлению национальной армянской культуры и искусства, литературы и науки; формирование своих СМИ установление культурных связей с Арменией, хранителями армянских народных традиций в иных регионах России и за рубежом; оказание помощи и поддержка членов НКА

НКА организует национальные творческие коллективы (профессиональные и самодеятельные), творческие союзы, кружки по изучению

национального наследия и прочее; содействует организации национальных средств массовой информации; учреждает организации, занимающиеся народными промыслами и ремеслами; осуществляет исследовательскую, издательскую, информационную деятельность в области музыки, литературы, истории, этнографии и краеведения на армянском и иных языках; разрабатывает и представляет в соответствующие органы власти предложения о сохранении армянской культуры; заключает договоры с неправительственными организациями, находящимися за пределами РФ, о культурном обмене и сотрудничестве в области сохранения национальной культуры; осуществляет межрегиональные и международные контакты.

Автономия выступает с законодательной инициативой по национально-культурным и социальным вопросам, вытекающим из целей и задач Автономии в объеме и порядке, предусмотренном Законом; участвует в формировании органов государственной власти и управления в порядке, предусмотренном законодательством о выборах; принимает участие в реализации решений государственной власти и управления по соглашению с последними; представляет и защищает законные интересы своих членов в государственных и общественных органах; создает кассы взаимопомощи, благотворительные фонды, осуществляет производственную и хозяйственную деятельность, создает в целях выполнения уставных задач предприятия и хозрасчетные организации, обладающие правом юридического лица.

В 2002 г. НКА армян оказала помощь пострадавшим от наводнения на юге России: на Кубань было отправлено 5 тонн гуманитарного груза с продуктами питания. Шефская помощь детским домам г. Петрозаводска – систематические акции в рамках программы "Подарим улыбку детям", которая включает в себя: выезды в детские дома с угощением и театрализованными представлениями, проведение футбольного турнира среди детских домов ("Кубок Дружбы"), организацию спортивной игры "Веселые старты". В мае 2003 г. многочисленные зрители присутствовали на первом выступлении юных талантов армянской диаспоры. Это было рождение Детского концертного коллектива под названием "Ахтамар". В июне 2003 г. у собора А. Невского прошло долгожданное открытие памятного креста-Хачкара, приуроченное к 300-летию г. Петрозаводска. Изготовление и установку памятника профинансировала НКА армян РК.

НКА в рамках своей программы "Подарим улыбку детям" в сентябре 2003 г. для десяти детей-сирот из детских домов организовала поездку в Армению в г. Эчмиадзина (побратим г. Петрозаводска). Мэр Эчмиадзин Г. Абгарян в память о визите петрозаводчан пообещал одну из улиц своего гостеприимного города в самое ближайшее время назвать ули-

цей Петрозаводска. В мае 2004 г. официальная делегация из столицы Карелии во главе с мэром В. Масляковым побывала в армянском г. Эчмиадзин, который считается духовным центром армян всего мира. В рамках заключенного между мэрами обоих городов договора о сотрудничестве предполагается реализация совместных проектов в самых разных сферах. В 2004 г. НКА армян РК оказала финансовую помощь школе № 1 г. Беслана, пострадавшей от чудовищного террористического акта.

С 2002 г. за счет собственных средств в Карелии выходит в свет ежемесячный вестник армянской общины "Сие". В газете освещаются наиболее значимые события, происходящие в жизни армянской общины в Карелии. Успешно распространение по Карелии независимой информационно-аналитической московской газеты "Ноев Ковчег" (вестник армянской диаспоры стран СНГ).

Армяне участвовали и участвуют в строительстве многих объектов в Петрозаводске торгового комплекса на Древлянке, траурного зала на ул. Красной — возведении мостов в Карелии, подготовке молодых специалистов для различных отраслей хозяйства, работают преподавателями в школах и техникумах, мастерами производственного обучения профтехучилища № 19 и т. д. Одно из животноводческих хозяйств республики возглавляет Э. Бабаян.

Немало памятников и бюстов, посвященных известным людям, украшающих города Карелии, создано руками скульпторов Л. Давидяна (например, памятник Г. Жукову, установленный к 55-летию Победы) и Э. Григоряна. Последнее из творений Л. Давидяна – памятник маршалу Г. Жукову, установленный в Петрозаводске. С 1954 г. по настоящее время хором Петрозаводского университета руководил заслуженный работник культуры России Г. Терацуянц.

В ознаменование 1700-летия со дня принятия христианства НКА армян Карелии провела ряд благотворительных акций в рамках своей программы "Подарим улыбку детям". НКА возобновила издание своего общинного вестника, который теперь выходит ежемесячно под названием "СИС". Газета рассказывает о повседневной жизни общины, о людях и событиях. С этого года НКА получает газету армянской диаспоры стран СНГ "Ноев ковчег", что позволяет быть в курсе событий армянского мира. Армянская диаспора – единственное в Карелии объединение, имеющее официальный статус региональной НКА.

Карельское региональное отделение Общероссийской общественной организации "Союз армян России" создано 12 ноября 2003 г., зарегистрировано 25 февраля 2004 г. Карельское региональное отделение Общероссийской общественной организации "Союз армян России"

является структурным подразделением Общероссийской общественной организации "Союз армян России".

Цели и задачи организации: содействие сохранению и укреплению общности армян, проживающих в РФ; содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и религиозных конфликтов; содействие защите экономических, социальных, правовых и культурно-образовательных интересов армян, проживающих на территории Российской Федерации; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных и иных катастроф, социальных, национальных и религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам, вынужденным переселенцам; содействие созданию организационных, материальных и финансовых условий и предпосылок для оказания помощи социально неблагополучным категориям граждан; содействие сохранению и приумножению духовного и интеллектуального потенциала российских армян; создание условий для творческой работы, всемерного роста профессионализма и компетентности, более полного раскрытия и использования интеллектуального потенциала членов Организации; содействие формированию у российских армян мировосприятия, позволяющего использовать современные технологические достижения; содействие активному сотрудничеству (культурному, научному и деловому) российских армян, со всеми нациями и народностями России и зарубежных государств, а также их этнокультурными объединениями; содействие развитию и укреплению дружественных межгосударственных отношений между Республикой Армения и Российской Федерацией.

Задачи организации: конструктивное взаимодействие с заинтересованными государственными, общественными и предпринимательскими структурами Российской Федерации, Республики Армения и других государств с целью решения проблем национально-культурного развития российских армян; содействие развитию и укреплению научных, культурных и экономических связей между Республикой Армения и Российской Федерацией, а также другими странами; ведение адресной социальной политики, оказание помощи в трудоустройстве, поддержка социально незащищенных армян, проживающих в РФ; содействие разработке и реализации различных социальных и экономических программ, направленных на реализацию целей и задач Организации; содействие армянским общинам в создании культурных и образовательных центров на территории РФ; организация и проведение в благотворительных целях фестивалей, выставок, аукционов, спортивных соревнований, лотерей, ярмарок, концертов, конкурсов и других мероприятий в порядке, установленном законом.

Основные направления деятельности организации: взаимодействие со всеми заинтересованными физическими и юридическими лицами, в том числе зарубежными; содействие формированию общественного мнения для решения уставных задач; установление контактов и налаживание диалогов с организациями национальных меньшинств с целью поиска взаимоприемлемых решений совместно с региональными общественными объединениями российских армян: организация выставок народного творчества, фестивалей народной музыки, концертов, научных дискуссий и других мероприятий; содействие объединению на добровольной основе армян России для сохранения национальной самобытности, развития культурных, интеллектуальных и других ценностей армянского народа; разработка и осуществление образовательных программ по изучению армянского языка, литературы и истории, в том числе посредством учреждения соответствующих учебных заведений; премирование одаренных студентов именными стипендиями и грантами Организации; предоставление абитуриентам целевой материальной помощи для получения образования в высших учебных заведениях России и иностранных государств; направление российских студентов в вузы Республики Армения, в том числе путем обмена; организация научно-практических конференций; обеспечение студентов необходимой учебно-методической литературой; разработка и осуществление программы в области культуры, включающей в себя возрождение народных промыслов, ремесел и традиций, организация театров, кружков по интересам, организация творческих союзов или коллективов профессионального и самодеятельного искусства. Создание негосударственных учреждений армянской культуры; оказание юридических услуг.

Карельская республиканская общественная организация "Общество вайнахской культуры" зарегистрирована Минюстом РК 23 марта 2002 г.

Цели организации: защита права вайнахов — чеченцев и ингушей, проживающих на территории РК, сохранение и развитие национальной культуры; содействие в решении социальных вопросов в местных и региональных органах власти.

Задачи организации: способствовать становлению и возрождению всех элементов национальной культуры — языка, искусства, литературы, народных традиций; способствовать установлению культурных связей с Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой.

Основные направления работы: сотрудничество с другими организациями РК; участие в проектах и мероприятиях; образовательно-просветительская деятельность, осуществление исследовательской, издательской и рекламно-информационной деятельности в области музыки, литературы, истории, этнографии и краеведениz на чеченском и ин-

гушском языках; формирование общественных учреждений национальной культуры: культурного центра, клуба, музея, а также национальных творческих коллективов, союзов, кружков по изучению национально-культурного наследия; организация культурно-массовых мероприятий: концертов, конкурсов, круглых столов, фестивалей; установление контактов с другими организациями: организация культурных связей с соответствующими учреждениями Чеченской и Ингушской Республик; – социальная работа с членами диаспоры: оказание адресной помощи нуждающимся гражданам.

Диаспора чеченцев и ингушей в Карелии живет тесным кругом. Примерно 500-600 чеченцев и ингушей приехали в РК в надежде найти второй дом и понимание со стороны жителей северного края. Чеченцы и ингуши живут практически по всей территории республики. Наиболее многочисленные группы чеченцев сосредоточены в Олонце, Петрозаводске, Кондопоге, Медвежьегорске, Пудоже, Костомукше. Проживающие в районах ведут фермерские хозяйства, выращивая домашний скот и содержа большие огороды. Городские жители занимаются в основном малым бизнесом. Среди представителей вайнахского народа в Карелии служащие и рабочие, спортсмены и студенты, домохозяйки и военные.

Отклики на события в Южной Осетии в республиканских средствах массовой информации, исходящие от лидеров, активистов и членов общественных объединений, немногочисленны. Председатель КРОО "Общество грузинской культуры" Р. Чехерия, вернувшийся из поездки из дальнего зарубежья после завершения военных действий в Южной Осетии, воздержался от развернутых комментаритd. Он лишь отметил, что зарубежные СМИ вещают одно, в России говорят другое, в Осетии – третье, в Абхазии – четвертое. По его мнению, отношение всех грузин к войне негативное, но он никого не намерен обвинять, осуждать или поддерживать. "Пройдет время и оно все расставит по своим местам". Он считает, что в настоящее время около 80% карельских грузин находятся в Грузии и "разрыв дипломатических отношений скажется прежде всего на простых людях, которым придется выезжать из страны домой в Карелию окольными путями, через другие государства. Сегодня "неосторожными высказываниями нельзя ... будоражить общество, главное – сохранять спокойствие и надеяться, что политики, наконец, найдут друг с другом общий язык".

Миннац РК не концентрирует внимания национальных общественных объединений республики на военно-политических проблемах, считая, что полем их деятельности должна быть культурно-просветительская работа.

Два взгляда на ситуацию в Кондопоге

В Кондопоге на месте бывшего ресторана "Чайка", где начался конфликт в 2006 г., организован культурно-досуговый центр для молодежи. В центре разместятся кабинет общественных организаций, добровольная народная дружина, конференц-зал, концертный зал, интернет-кафе, детское кафе-мороженое. Не предполагается размещения чиновничьих кабинетов или арендаторов со стороны..

По мнению недавно назначенного начальника милиции города Н. Красовского, за последнее время показатели преступности в городе снизились. Повышенное внимание органы правопорядка уделяют приезжим. Для укрепления милиции ведется работа по привлечению опытных сотрудников. Кондопожское РОВД обеспечено новыми патрульными машинами. Н. Красовский считает, что за нарушение общественного порядка следует применять максимальные меры наказания.

С. Катанандов отметил, что расследование главного уголовного дела в отношении выходцев с Кавказа завершено. Таким образом, судя по выступлениям в печати представителей властных структур, кондопожская ситуация не вызывает у них особых тревог.

Однако это внешнее спокойствие скрывает реальную ситуацию внутренней межнациональной напряженности. Эта напряженность была выявлена при исследовании причин кондопожского конфликта, возникшего в конце августа – начале сентября. В феврале-марте карельская правозащитная организация "Экспертно-правовое партнерство "Союз", движение "Наш дом – Кондопога" при поддержке общественной комиссии по взаимодействию с общественными, религиозными, национальными объединениями при МВД РК провели опрос 160 жителей города. Среди опрошенных — мужчины и женщины, горожане разных возрастных групп, уровня образования, работающие (82%), учащиеся и пенсионеры (по 5%), предприниматели (3%).

Судя по ответам горожан, главной причиной, вызвавшей массовые беспорядки в городе, они считают ошибочную национальную и миграционную политику федеральных и республиканских властей (65% ответов), коррупцию в органах власти и МС (55% ответов), неправильное поведение отдельных представителей мигрантов и переселенцев (48% ответов), неправильные действия органов внутренних дел города (48% ответов).

Ответы на вопрос: "Извлекла ли власть уроки из происшедших событий?" – разделили участников опроса на две группы: одни полагают, что власть не извлекла должных уроков (46% ответов), другие, напротив, считают, что извлекла (44% ответов), остальные 10% участников опроса затруднились определиться по данному вопросу. Не может не настораживать тот факт, что большая часть опрошенных (45%) считает, что "власти ничего не делают для того, чтобы не допустить повторения тра-

гедии". 39% не согласились с подобным утверждением, 16% не ответили на этот вопрос. О тревожности ситуации, характеризующей общее настроение горожан, свидетельствует то, что 75% опрошенных не чувствуют сегодня себя в безопасности. Более того, каждый третий опрошенный заявил, что ситуация даже ухудшилась, что связáно с ростом хулиганства и уличной преступности. Почти 40% горожан полагают, что ни по одному из направлений деятельности правоохранительные органы не работают эффективно.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, считают жители, необходимо решить комплекс задач. Во-первых, "поменять власть, изменить отношение власти к народу, искоренить коррупцию, усилить милицейский контроль, создать диалог власти и народа", во-вторых, "контролировать миграцию, усилить паспортный контроль". Прозвучали голоса в поддержку коренного населения, создания равных возможностей для представителей разных национальностей. Высказывались и радикальные предложения: выселить мигрантов из города. Для ликвидации последствий кондопожского конфликта больше внимания, по мнению кондопожан, следует уделять социальной политике, в частности, усилить работу по ликвидации безработицы, организации досуга молодежи, наладить действенный контроль продажи алкогольной продукции.

Руководитель экспертно-правового партнерства "Союз" И. Пальцев результаты исследования оценивает как "неутешительные". Его удивляют различия в оценках происшедшего, которые дает власть по сравнению с горожанами. Власти, по его мнению, "сконцентрировались только на локальных местных причинах, опасаясь посмотреть в корень, на глобальные причины подобных событий не только в Кондопоге, но и в других субъектах".

Горожане возмущены тем, что кондопожский конфликт власть свела лишь к причинам бытового и криминального характера. Одна из важнейших причин конфликта, по их мнению, состоит в том, что представители "титульной национальности" (имеется в виду местное население. – *Е. К.*), чувствуют дискомфорт, неравенство по сравнению с приезжими, а правоохранительные органы зачастую "встают на сторону южан". Ситуация в Кондопоге заметно ухудшилась после чеченской войны, но федеральная и республиканская власти сознательно не замечают эту динамику. Милиционеры, участники опроса, говорили, что они давно поставили бы чеченцев "на место", но опасаются, что их обвинят в национализме.

Сохранение среды для недовольства, по мнению Е. Пальцева, – главный вывод, следующий из опроса горожан. Им представляется, что преступность в городе остается очень серьезной (21% ответов) и довольно серьезной проблемой (54% ответов). И лишь 3% кондопожан

преступность не считают значимой. Горожан беспокоит то, что за последние три года ситуация практически не изменилась (65% ответов). Каждый пятый участник опроса заявил, что он не видел милицейского патруля в городе. Более чем у половины опрошенных вызывают беспокойство уличная преступность, распространение наркомании и алкоголизма, каждый третий заявил об ухудшении работы органов внутренних дел. Не оставлены без внимания горожанами ухудшение социального обеспечения (38% ответов), медицинского обслуживания (29% ответов), рост безработицы (56% ответов), нарастание в стране и за рубежом терроризма (каждый четвертый ответ), обострение межнациональных проблем, в том числе открытых конфликтов (38% ответов). Почти 60% опрошенных стали жертвами различных преступных действий — повреждения и угона автомобилей, взломов, краж, грабежа или попыток грабежа, домашнего и иного насилия и т. д.. Прогнозируя будущее, на первое место (61% ответов) кондопожане поставили финансовые проблемы, на второе – безработицу (39% ответов). Почти каждый пятый сетовал на тяжелую болезнь, 9% – на одиночество.

С материалами настоящего исследования знакомы сотрудники министерства РК по вопросам национальной политике и связям с религиозными объединениями. Реакции на материалы исследования пока нет, с национальными общественными организациями кондопожская ситуация по результатам опроса и выявленным узким местам не обсуждалась и, по всей вероятности, обсуждаться не будет.

Источники: Численность и состав населения Республики Карелия по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Стат. сб. I. Петрозаводск, 2004; Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005; Петрозаводск – территория толерантности. Петрозаводск, 2005. С. 30-36, 41-43, 46-48; Живем и работаем в Карелии. Информационные материалы по вопросам социально-культурной адаптации мигрантов. Петрозаводск, 2007. С. 20, 25-26; Курьер Карелии. 2006. 1 июня; Московский комсомолец в Карелии. 2008. 3-10 сентября.

Новые общины в Республике Коми

Ю. П. Шабаев

Рост ксенофобии в России весьма ощутим, и многочисленные его проявления отмечаются как в обеих столицах, так и в российских регионах. На наш взгляд, нарастание ксенофобии было неизбежным, поскольку ни федеральная, ни региональная этнонациональная политика в современной России изначально не имели четкой концептуальной формы, а политические практики на местах и вовсе поощряли безудержную этнизацию и этнический фаворитизм. Реальной целью региональной этнонациональной политики стало последовательное разделение общества на этнические сегменты, построение новой этнической иерархии и невольный отказ от идеи гражданской консолидации.

Российские политики совершили ту же ошибку, что и западные сторонники мультикультурализма. Они сделали упор на многообразие культур, полагая, что национальное единство задается самим фактом сосуществования этих культур в рамках единого государства. На Западе эта ошибка привела к возникновению параллельных сообществ, в России навязывание этничности в условиях кризиса старой системы ценностей породило в конечном итоге подавление гражданственности этничностью.

Крах прежней идеологии заставил отказаться не только от коммунистических идеалов, но, по существу, и от идеи гражданской нации, заменив ее идеями суверенизации и этнической сегментации. Обществу активно навязывалась этничность, а политические институты стали "приватизироваться" этническими сообществами.

В Коми наиболее последовательно шли по пути приватизации политических структур и этнополитические организации, и сами власти. На первом съезде коми народа в начале 1991 г. в одной из резолюций было указано, что коми народ "является источником государственности" республики и что в области культуры "безусловный приоритет должен отдаваться развитию коми национальной культуры" Положение об источнике государственности, которое представляло собой не правовую норму, а политический лозунг, было внесено в основной закон республики, утвержденный верховным советом Коми в начале 1994 г. Этим положением сам принцип равенства прав всех граждан республики, которые, собственно, в совокупности и обладают правом на самоопределение (а реализация этого права только и может служить источником государст-

венности), был поставлен под сомнение, ибо некая особая мифическая роль в создании государства отводилась одной этнической группе.

Данный идеологический фундамент был использован и для выдвижения идеи о формировании двухпалатного парламента, одна из палат которого должна комплектоваться исключительно по этническому принципу, и для многочисленных предложений, касающихся особых прав коми, включая меры материального стимулирования студентов титульной национальности, преподавателей коми языка. В политическую лексику не только активистов национального движения, но и региональной элиты вошло клише "коренной народ", под которым понималось не только то, что здесь проживает титульный этнос, но некая особая миссия этого этноса. Естественно, что такое маркирование социальной среды отражалось в массовом сознании как "коренных", так и "некоренных" жителей, способствуя их противопоставлению и разделению общества на этнические анклавы. Причем как этнические, так и территориальные анклавы, сформировавшиеся в республике, переставали ощущать себя частями единых сообществ. В Воркуте, когда коми движение стало требовать введения республиканского гражданства, принятия закона о мигрантах, ратовать за установление таможенных границ и т. п., сразу родилась идея о выходе из состава республики. Отдельные составляющие коми этноса тоже постепенно перестали считать себя интегрированными в него подразделениями и стали требовать статуса коренных малочисленных народов Севера. Особенно преуспели в этом коми-ижемцы, лидерам которых удалось убедить более 16 тыс. чел. во время переписи 2002 г. отказаться от этнонима "коми" и позиционировать себя только как "коми-ижемец" или "изьватас". Та же самая идея все активнее эксплуатируется активистами удорских коми.

Массовый опрос, проведенный в 1996 г. в рамках реализации проекта социально-психологического мониторинга, показал, что около 40% коми респондентов выступают за предоставление им особых политических, экономических или культурных прав. Большинство иноэтничного населения, правда, выступало против привилегий для представителей титульного этноса. При этом доминантное большинство населения, включающее в себя русских, коми, украинцев, продемонстрировало высокий уровень неприятия выходцев с Кавказа и из Средней Азии, а треть респондентов (разницы между коми и русскими тут практически не было) вообще считали бы самым благоприятным политическим сценарием выезд представителей этих народов из республики.

Спустя восемь лет мы решили заново замерить реакцию "этнического отторжения" у населения республики. В 2004 г. был проведен массовый опрос населения республики "Я и мой народ".

Только 34,9% наших респондентов указали, что сегодня не существует этнических групп, которые вызывали бы у них отторжение. При этом подавляющее большинство опрошенных по-прежнему декларативно называет Россию общим домом для всех населяющих ее народов. Но, как и прежде, необычайно высок уровень "кавказофобии": 40,2% респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов. Очевидно, что на общественные настроения оказывают воздействие не только старые предрассудки и стереотипы, но и реальности современного мира. В частности, к таковым относится угроза мусульманского экстремизма, о которой средства массовой информации пишут с завидной регулярностью. В этой связи мы решили выяснить отношение не только к представителям отдельных этносов, но и к носителям религии, т. е. к мусульманам.

Весьма показательно, что отношение к мусульманам вообще более позитивное, чем к российским мусульманам. Негативно относятся к российским мусульманам 26,9% респондентов, что вдвое превышает долю тех, кто заявил о своем позитивном отношении к носителям этой религии. Более половины респондентов, правда, указали, что их отношение к мусульманам нейтральное. Показательно, что угроза мусульманского экстремизма беспокоит более половины наших респондентов и, естественно, эта тревога сказывается на отношении к мусульманам в целом.

Сегментация территориального сообщества по этническому признаку превратилась в устойчивый принцип региональной этнонациональной политики. Декларативные заявления о стремлении к межнациональному миру и согласию, которые регулярно раздаются из уст политиков, есть единственное действо, которое они предпринимают для укрепления гражданского согласия в обществе. Никаких других реальных шагов в этом направлении за прошедшие 15 лет сделано не было. Но может ли существовать межнациональное согласие тогда, когда этническая структура территориальных сообществ символически представлена в виде пирамиды, и на вершине этой пирамиды – "источник государственности"? Казалось бы, выстраивание в РФ так называемой властной вертикали и приведение региональных законов в соответствие с федеральными должно было изменить ситуацию принципиально, но перемены коснулись не политических практик, а политических фасадов.

Да, законы подправили, положение об "источнике государственности" из конституции республики убрали, строчку из бюджета РК о финансировании коми национального движения убрали, но политика этнического фаворитизма как была, так и осталась государственной политикой РК.

К примеру, В. Торлопов единственным из глав так называемых финно-угорских регионов приехал на III съезд Ассоциации финно-угорских народов, состоявшийся осенью 2005 г. в Москве. Причем

республиканская пресса сообщала, что он якобы возглавил коми делегацию и выступил на съезде с докладом.

Стоит заметить, что по уставу Ассоциация финно-угорских народов есть неправительственная организация, и объединяет она национально-культурные организации, национальные движения финноугров. Тем самым получается, что В. Торлопов и те правительственные чиновники, которые были в делегациях других регионов, позиционировали себя как лидеров национальных движений титульных этносов, т. е. фактически противопоставили себя нетитульному населению собственных регионов, что не только противоречит служебной этике, но и не согласуется с идеями гражданской солидарности, о коих представители региональной политической элиты постоянно твердят на разных официальных мероприятиях.

Другой пример. В указе главы РК от 31 января 2006 г. № 15 "О правительстве Республики Коми" в перечне министров и руководимых ими ведомств есть и следующая информация: "Марков В. П. – председатель исполнительного комитета межрегионального общественного движения "Коми войтыр".

Если истолковывать эту информацию так, как она подана в прессе, то получается, что исполнительная власть и национальное движение слились в одну структуру. Ни с точки зрения права, ни с точки зрения идеи гражданского общества этого не понять. Этого не понять и с позиций равенства прав граждан всех национальностей, которые зафиксированы в конституциях РФ и РК. Получается, что косвенным образом указ главы предоставляет коми права особого представительства, а это прямо противоречит конституционным положениям.

Подобная практика совершенно неприемлема и очевидно нуждается в пересмотре. Как мы уже отмечали, нужна последовательная политика гражданской консолидации и формирования целостного территориального сообщества, нужен комплекс мер по формированию культуры толерантности, который должен включать в себя как само поведение политической элиты, так и коррекцию информационной политики, внедрение специальных образовательных программ (в частности, "уроков толерантности" в школе), а также социальную рекламу.

Характерно, что отказ от интеграционной политики, который произошел в начале 1990-х гг., первоначально привел к попыткам всех (или почти всех) этнических общин самоорганизоваться и использовать свои этнополитические организации как своего рода "политический зонтик" для отстаивания собственных интересов.

Но практически все эти организации оказались узкими и изолированными от собственных общин клубами активистов. Поэтому недолго просуществовал "Русский дом", который возглавляла поэтесса Н. Мирошниченко, резко деградировало украинское движение, осла-

бело татарско-башкирское движение, почти ничего не слышно о десятках других национальных организаций.

Коми движение, тем не менее, продолжает успешно существовать, несмотря на то, что уровень его поддержки среди титульного населения республики не очень значителен, а молодежи в рядах активистов почти нет. Главную роль в этом играет административная и финансовая поддержка движения со стороны властей, партнерские отношения с властью и политический ресурс этничности, ресурс идеи этнически разделенного общества.

Тем не менее, сами активисты движения отмечают, что оно переживает кризис и его влияние падает. Однако в политическом пространстве, где идеи гражданского единства, идеи целостности российской нации никак не акцентируются и не пропагандируются, эксплуатация идеи этнических приоритетов порождает рост ксенофобских настроений. "Истинные" и "коренные" жители регионов все нетерпимее относятся к тем, кто оказывается по другую сторону искусственных этнических границ, в частности, – к мигрантам.

Антимиграционные настроения становятся сегодня идеологической основой для деятельности все новых организаций радикального толка, и проявления мигрантофобии и кавказофобии имеют место во многих регионах России. Если в коми национальном движении с таких позиций сегодня выступают только крайние радикалы, влияние которых на население крайне мало, и которые на политической арене почти не проявляют себя, то деятельность скин-хедов и родственных им организаций, наоборот, активизируется. Первоначально в республике не принимали всерьез движение скин-хедов, но количество их организаций росло, и сегодня они есть уже во многих городах и районах. Скин-хеды устраивают митинги под лозунгами "Россия – для русских", "Остановим оккупацию России", но чаще распространяют листовки антимигрантской направленности и пишут на стенах домов надписи антисемитского содержания, лозунги, призывающие бороться против выходцев с Кавказа.

В 2005 г. ряды национал-радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Ю. Екишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. В этот день члены Союза вышли на центральную площадь столицы республики под лозунгами "Русскую нефть – в русские руки", "Остановим оккупацию нашей земли". Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами "Русские, вооружайтесь", "Россия против оккупантов!". Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. В листовках говорилось: "Миллионы иностранцев незаконно переселяются на наши земли... Захва-

тывая целые сферы экономики, промышляя наркотиками, оружием, поддельной водкой и фальшивой валютой, осуществляя грабеж, насилие над коренным населением, эти преступные элементы почувствовали себя полноправными хозяевами России". Далее следовало заявление, что через 20 лет мигранты станут полными хозяевами страны, и выдвигалось требование "ограничить иммиграцию", ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, "радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов", и следовало напоминание: "Наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!". В листовках, распространяемых от имени Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), с которым солидаризировался Союз национального возрождения, были тексты: "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Славянка! Русская честь дороже кавказских денег", "Так начиналось Косово! Вчитывайтесь, вдумайтесь, действуйте!".

Характерно, что выступления национал-радикалов стали одной из главных политических новостей местных СМИ, а самому Ю. Екишеву предоставляли трибуну для выражения своих взглядов солидные местные газеты. Однако прокуратура республики все же возбудила против него уголовное дело, обвиняя в разжигании межэтнической розни. Но и это дело становится, по сути, лишь способом придания политической респектабельности антиобщественным идеям и движениям.

Если Ю. Екишева и осудят (скорее всего, условно), то остается проблема поважнее: что делать с политическими лидерами, которые не осознают значения гражданской консолидации и политикой этнического фаворитизма провоцируют рост ксенофобии?

Видимо, одним из способов повлиять на таких лидеров может быть политическое давление со стороны крупных политических сил. На мой взгляд, идеи консолидации должны быть в политических программах ведущих политических партий страны, и появиться они должны уже в канун выборов 2007 г., их необходимо четко обозначить в концепциях федеральной и особенно региональной этнонациональной политики, в социальной рекламе, в школьных программах. Оценка любого лидера должна осуществляться исходя из того, в какой мере он своей деятельностью способствует укреплению гражданского согласия, в какой мере он выступает против всех разновидностей ксенофобии, расизма, национал-радикализма.

Эхо Кондопоги

Ю. П. Шабаев

Кондопожские события оказали заметное влияние на общественные настроения и на позиции различных политических деятелей. Как это ни печально, успешнее всего идеологический ресурс этих событий использовали активисты ДПНИ. Во всяком случае, в Республике Коми за последние годы появлялись регулярно листовки этой организации, в которых муссируется тема Кондопоги.

Помимо них кондопожские события стали уроком для ветеранских организаций, которые инициировали создание специальной комиссии при главе РК, хотя ни цели, ни характер деятельности этой комиссии до сих пор не определены. Представители бизнеса также не оставили без внимания Кондопогу и наметившиеся после нее изменения во внутренней политике РФ. Более того, они, как и представители ветеранских организаций, заявили, что "Коми Кондопога" вполне возможна.

В чем-то это утверждение недалеко от истины, ибо грамотной этнонациональной политики в республике нет, а общественные настроения близки к тем, что имеют место в Карелии.

Данные опроса "Я и мой народ", проведенного в Коми в 2004 г., показали, что общий уровень толерантности среди населения республики невысок, ксенофобские настроения стали важной составляющей массового сознания. При этом в последние годы не снижается уровень "кавказофобии": 40,2% респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов.

Если сравнивать уровень "кавказофобии" в Коми с тем, что имеет место в Карелии, то характер настроений населения примерно одинаков. По данным одного из недавних опросов, проведенных среди молодежи Карелии, более 40% студентов и школьников в этой республике испытывают негативные чувства в отношении выходцев с Кавказа (А. Укконе, "Прощание с "кулинарным интернационализмом" – www/kominarod.ru). Как показали недавние события в Кондопоге, такой уровень "кавказофобии" вполне достаточен для того, чтобы спровоцировать массовый погром.

Возвращаясь к тому, как представители бизнеса "обыгрывают" тему Кондопоги, укажем на пресс-конференцию, которая была проведена 5 декабря в сыктывкарском офисе общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса "ОПОРА России". На этой пресс-конференции юрист организации С. Изъюров рассказал журналистам о

притеснениях мелкорозничных торговцев со стороны администрации "нефтяной столицы" Коми – города Усинска. Он также отметил, что в последние годы идет системное вытеснение малых предпринимателей с рынка мелкорозничной торговли (несмотря на громкие заявления властей о заинтересованности в развитии малого бизнеса) в нескольких городах Коми. В Усинске этот процесс имеет свою специфику. Плотно заниматься ситуацией в этом городе "ОПОРА России" стала в феврале 2006 г., когда, по словам С. Изъюрова, со стороны горадминистрации начался агрессивный натиск на мелкорозничных торговцев. Киоски просто грузили вместе с товаром на грузовики и вывозили за город на платные стоянки. Имели место также незаконные проверки, отключения электроэнергии и другие формы давления. Арбитражным судом Коми многие действия администрации Усинска признаны незаконными. Но, несмотря на поддержку судебных органов, желающим заняться мелким бизнесом в Усинске легче не стало. На просьбы выделить тот или иной участок под размещение торгового павильона следовал стандартный ответ – "нет возможности". После анализа ситуации, проведенного "ОПОРОЙ", было сделано заявление, что ее следует рассматривать не как правовую проблему, а как политическую.

В ходе анализа ситуации выяснилось, что администрация Усинска притесняла только часть торговцев. По словам С. Изъюрова, "была определенная группа населения, которая не подвергалась административному воздействию, мимо нее прошли все конфликты, арбитражные суды, она спокойно стояла и торговала... Назовем их так – выходцы из бывшего советского Закавказья". В качестве доказательства данного тезиса были приведены следующие данные: из 112 павильонов в Усинске 61 принадлежит "выходцам из бывшего советского Закавказья", из 19 киосков – 15, из 11 тонаров – 7. За последний квартал в Усинске появилось 10 новых торговых точек, 8 из которых тоже принадлежит закавказским торговцам. "В Усинске создана национальная диаспора, – отметил С. Изъюров. – По информации усинских предпринимателей, в основном через эту группу идут взаимоотношения между ними и администрацией. Возможно, есть коррупционная связь. Но у "ОПОРЫ" доказательств нет, иначе этим занялась бы ФСБ". С. Изъюров указал, что аналогичная ситуация складывается и в Ухте, и отметил, что необходимо регулировать проблему экономическими методами. Показательно, что завершил свои рассуждения С. Изъюров ссылкой на доводы, которые звучат с высоких трибун: "Когда президент ставит перед нами задачу удвоения ВВП и говорит, что доля малого бизнеса должна составлять 30-40%, то понятно, что имеется в виду бизнес, который будет вкладываться в свою территорию. А на сегодняшний день, думаю, каждый из вас знает, куда уходят деньги, заработанные вот в этих тор-

говых точках. Куда они идут? То есть они уходят из страны и даже не попадают на наш потребительский рынок..." Ситуация, которая складывается в Усинске, по мнению С. Изъюрова, может привести ко второй Кондопоге ("Зырянская жизнь", 11 декабря 2006 г., www.zyryane.ru).

Если ветеранские и предпринимательские организации с тревогой оценивают общую ситуацию в республике или положение дел в отдельных сферах экономики и пытаются найти какие-то механизмы, которые бы привели к общему оздоровлению ситуации в Коми (хотя и вызывает сомнение их действенность), то иной характер дискуссий был отмечен нынешней осенью на традиционных осенних конференциях коми народа, которые были организованы межрегиональным общественным движением "Коми войтыр".

Показательно прежде всего то, что общие проблемы совершенствования межэтнических отношений, изменения принципов региональной этнонациональной политики на конференциях, организованных городскими и районными отделениями организации, практически не обсуждались.

Нынешние заседания имели явно выраженный характер партхозактивов. На всех этих собраниях присутствовали представители местных властей, зачитывались доклады о социально-экономическом положении города или района и т. д. К примеру, в Троицко-Печорском районе обсуждались проблемы теплоснабжения, в Удорском районе рассматривались проблемы медицинского обслуживания населения, деятельность военно-мемориальной компании. В Сысольском районе "делегаты ежегодной конференции обсудили молодежные проблемы. На встрече прозвучала информация по всем направлениям работы с этой категорией населения" ("Республика", 13 декабря 2006 г.).

Характерная черта: делегаты не только не затрагивали острые социальные и этнополитические проблемы, касающиеся интересов республики в целом, но и практически не обсуждали вопрос о том, что непосредственно коми движение и его местные организации могут и должны сделать для решения местных или общереспубликанских проблем, не выступали с конкретными инициативами. А если само движение не занимается решением конкретных задач, значит, оно изжило себя (однако, этот неприятный вывод никто делать не стал).

Как и прежде, дело ограничилось обсуждением проблем и поручениями к местным и региональным властям активнее решать озвученные в резолюциях проблемы. На себя движение никакой ответственности не берет.

Следует отметить, что такой стиль политической деятельности характерен для коми движения и финно-угорского движения в целом. Примером тому может служить резолюция III съезда Ассоциации финно-угорских народов РФ, состоявшегося осенью 2005 г. в Москве. В ней активисты

движения записали, что должно сделать почти каждое федеральное министерство (причем в резолюции однозначно указывалось – "поручить"), но никаких серьезных задач перед самим движением не ставилось.

Очевидно, что за подобными обсуждениями и резолюциями скрывается бессилие подобных организаций и нежелание (неумение) нынешних лидеров заниматься решением реальных проблем.

В этой связи характерно заключение, которое было сделано в одной из республиканских газет по поводу итогов городской конференции "Коми войтыр", состоявшейся в столице Коми: "Спрашивается, для чего нужны подобные конференции, какой от них эффект? Вот и в принятой резолюции вроде бы и немало пунктов, требующих общественного внимания, но многие из них кажутся необязательными или такими мелкими и расплывчатыми, например, "о принятии необходимых мер по снижению очередей в поликлиниках", что только недоумение вызывает" ("Красное знамя", 13 декабря 2006 г.).

При этом некоторые СМИ, чтобы хоть как-то объяснить необходимость конференций, заявляют, что они – чуть ли не единственная трибуна, с которой население может говорить о важных местных проблемах. Если это так, то это означает, что публичной политики в Коми больше нет, что представительные органы власти всех уровней ликвидированы, что не существует более иных общественных институтов и движений, которые поднимают (а часто и пытаются решать) острые социальные проблемы.

Разумеется, это не так, хотя сфера публичной политики в Коми действительно крайне ограничена.

Попытка коми движения браться за обсуждение всех проблем и стремление заменить собой иные институты общественного самоуправления есть претензия на особое положение в обществе, которое и поныне еще не изжито. Сегодня в конституции РК уже нет положения, которое было внесено туда по инициативе движения и которое гласило, что "коми народ – источник государственности" республики, но стремление к "особому статусу" все еще дает о себе знать. Это стремление не только разрушает само движение изнутри, но и создает почву для стабильного воспроизводства ксенофобских настроений в местном сообществе. Однако, пожалуй, опаснее не сами эти "родовые травмы" финно-угорских этнополитических организаций (изначально все финно-угорские организации пытались заявлять об особых правах титульных этносов), а потакание этим настроениям со стороны властей. Такое потакание можно было оправдать в начале 1990-х гг., когда начиналось так называемое "национальное возрождение", ибо и властной элите, и доминантным группам требовалось порой доказывать меньшинствам, что их стремление к сохранению культурной самобытности

находит понимание и у политического руководства, и у других этнических общин. Сегодня более важна другая задача - задача гражданской консолидации российского общества в целом и территориальных сообществ в частности. Последние 15 лет всему населению упорно навязывалась этничность, и гражданская солидарность россиян оказалась ослабленной. Об этом говорят и данные многих социологических исследований, но наиболее ярко об этом свидетельствует невиданный прежде рост ксенофобии и расизма в российском обществе.

Почему эта проблема не становится предметом обсуждения на конференциях коми народа, на форумах других этнополитических организациях, проходящих в России? Именно потому, что гражданская солидарность россиян ослаблена, и этот факт даже не воспринимается как острейшая политическая проблема.

Более того, власти, заявляя о своем стремлении покончить с проявлениями экстремизма, расизма и ксенофобии, на деле создают почву для роста ксенофобских настроений, укоренения негативных этнических стереотипов, для разделения россиян по этническому признаку. Причем действия властей, по форме призванные способствовать поддержке этнических культур, на деле нередко приобретают характер политической провокации. Никак иначе нельзя расценить действия, направленные на безудержную этнизацию всех сфер общественной жизни. Даже такие интернациональные сферы деятельности, как мода и спорт, старательно "упаковывают" в узкие этнические границы. Так, в начале ноября 2006 г. в столице Коми состоялся первый финно-угорский фестиваль моды ("Республика", 10 ноября. 2006 г.). А в самом конце того же месяца в Карелии, в которой еще не остыли страсти вокруг кондопожских событий, проводился первый боксерский турнир, организованный по национальному признаку (только представители финно-угорских народов), и специальные призы для победителей учредил губернатор С. Катанандов (www.finugor.ru). Еще через несколько дней на конференции "Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов", состоявшейся в столице Мордовии, профессор Мордовского университета Мишанин обосновывал необходимость издания общероссийской финно-угорской газеты ("Республика", 7 декабря 2006 г.). Эту идею стоит понимать так, что у российских финно-угров настолько специфичные проблемы и интересы, что никаким другим общенациональным изданиям доверить их изложение просто нельзя. И, следуя логике сторонников данной идеи, финно-угорская газета должна, видимо, издаваться не на русском языке. А таковым может быть только прафинно-угорский язык, который еще надо реконструировать лингвистам и который сами современные финно-угры не поймут. Логика этнизации всех сфер общественной жизни уже доведена до абсурда. И оче-

видно, что ни региональные руководители, ни этнические антрепренеры просто не понимают, какой должна быть грамотная этнополитика.

Названные выше "мероприятия" только способствуют углублению этнических границ внутри российского социума, противопоставляют одни этнические группы другим и еще более ослабляют гражданскую солидарность.

Как региональную, так и федеральную этнонациональную политику следует серьезно корректировать. Объектом этнонациональной политики может быть только все население России, а ее главной целью должно быть прямо и недвусмысленно объявлено формирование и укрепление российской нации. В качестве первого и очевидного направления деятельности по формированию российской нации должны быть меры по укреплению российской идентичности.

На наш взгляд, сегодня помимо корректировки федеральной концепции государственной национальной политики РФ (что уже отчасти осуществляется) необходимо дополнительно разработать и принять государственную программу интеграции. Такие программы (и соответствующие управленческие структуры) есть, к примеру, в Латвии, Эстонии, во многих других странах Европы. Конечно, в разных странах направленность этих программ различна: в одних они касаются в основном мигрантов и решают проблему адаптации культурно отличных групп к традициям принимающего сообщества, в других нацелены на преодоление раскола между этническими и религиозными общинами, но важно, что проблема гражданской консолидации осознается в качестве одной из основных политических проблем современных государств.

Очевидно, что российская программа интеграции должна иметь свое содержание и свои приоритеты, но политической элите страны важно осознать как жизненную необходимость такой программы, так и ответственность за ее эффективную реализацию. К разработке программы должны быть привлечены специалисты разных отраслей науки: социологи, политологи, этнологи, психологи и др.

Некоторые элементы "конструкции" программы интеграции ясны уже сегодня, ибо понятно, что формирование гражданской солидарности и российской идентичности возможно, если будут задействованы все средства воздействия: школа, система высшего образования, СМИ, культурные институты, управленческие структуры, социальные службы.

В школах должны, к примеру, преподавать не историю, интерпретированную в духе этноцентризма (историю великороссов), а такую историю Отечества, которая дает картину исторических судеб всех основных народов страны и помогает вырабатывать у учащихся понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и по-

ликонфессиональное сообщество. В учебную программу всех школ страны должны быть включены уроки толерантности, которые призваны способствовать улучшению межкультурного взаимодействия. Это особенно важно, поскольку в российских школах сегодня массовым явлением стала "этнопедагогика", которая многими учителями трактуется весьма однобоко. Детям рассказывают о том, как хороши традиции того или иного народа, об "уникальности" этнической культуры предков, и тем самым невольно воспитывают в них этноцентризм, поскольку про традиции других народов забывают, хотя другие нередко имеют сходные культурные традиции или, во всяком случае, их культура не менее интересна. Сама по себе абсолютизация уникальности этнической культуры есть прямой путь к культурному расизму.

Серьезное внимание надо уделить высшей школе, ибо массовое сознание студенчества не внушает особого оптимизма. Видимо, стоит подумать о том, чтобы курс этнополитологии был введен в высших учебных заведениях либо как самостоятельный предмет, либо как часть учебной программы по политологии.

Не менее сложной задачей является и изменение роли СМИ в процессе строительства нации. В первую очередь необходимо, чтобы сами журналисты отказались от языка вражды, который стал характерен для многих российских изданий. Помимо действенного кодекса журналистской этики необходимо и реагирование на каждый случай публикации материалов, разжигающих вражду между этническими и конфессиональными группами со стороны судебных органов. Необходимо также, чтобы "лица" общероссийских телеканалов (прежде всего дикторы) отражали этническое многообразие России, а сама информационная политика была ориентирована на пропаганду "российскости". При этом надо прямо говорить и о проявлениях ксенофобии со стороны доминантных групп, и об этническом эгоизме меньшинств, когда подобные случаи имеют место.

Самой насущной задачей на сегодня является повышение ответственности при освещении этнических конфликтов, что ни в коем случае не должно означать понуждения к замалчиванию сложных и неприятных тем.

Актуальной задачей является и использование социальной рекламы для пропаганды идей толерантности и гражданской солидарности, для формирования в массовом сознании образа России как поликультурной страны, но страны, где идея гражданства превыше всяких местечковых интересов. Сегодня такой рекламы нет вообще, хотя она является важным элементом культурной политики, к примеру, таких стран, как ФРГ.

Конечно, важная и значимая роль в создании нового образа государства и нового образа российского гражданина должна принадлежать институтам культуры. Здесь и создание новых визуальных образов,

новых символов, но главное – переложение на язык художественных образов идеи "российскости" и создание российской эстетики, бренда "Страна Россия". Очевидно, что в рамках масштабного интеграционного проекта для деятелей культуры открывается огромное поле для художественного творчества.

Необходимо будет, очевидно, перестраивать работу многих социальных служб, органов правопорядка, которые и поныне широко практикуют селективный контроль граждан, ориентируясь на антропологические данные. Необходимо предусмотреть и некие корректировки в системе управленческой деятельности, но все это должно делаться только после принятия соответствующего политического решения о разработке программы интеграции.

Если всего этого не делать, то "кондопожский синдром" будет проявляться вновь и вновь, ибо само "предчувствие Кондопоги" имеет место в сознании самых различных групп населения, о чем свидетельствуют и данные ноябрьского опроса аналитического центра Юрия Левады ("Независимая газета", 8 декабря 2006 г.), и те частные заявления, о которых мы говорили выше. Кризис гражданской солидарности, который поразил Россию и который стал следствием политической мобилизации этничности, привел к тому, что россияне являются ныне одной из самых непатриотичных наций. По данным "Фонда общественного мнения", патриотами себя назвали только 58% респондентов ("Независимая газета", 11 декабря 2006 г.). Вероятно, Кондопога стала тем рубежом, после которого должна начаться новая эпоха в нациестроительстве, ибо иначе ни о суверенности, ни о самодостаточности России говорить будет нельзя. Пока, однако, ни региональные, ни федеральные власти не сделали должных выводов из того, что произошло в Кондопоге.

Межгрупповые отношения в Москве

О. В. Кульбачевская

Настоящий обзор ситуации в Москве основан на данных, полученных в ходе исследования, проведенного в 2008 г. Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга по заказу Министерства регионального развития РФ[1]. Исследование включало проведение массового опроса[2]; контент-анализ региональной прессы и ресурсов интернет; анализ материалов судебных расследований в отношении лиц, обвиняемых в экстремизме, разжигании национальной розни; анализ деятельности общественных организаций этнокультурной направленности.

Общественное восприятие демографической и миграционной ситуации

Опрос москвичей опроверг расхожее представление о миграционном засилье столицы. Половина респондентов, принявших участие в опросе, являются уроженцами Москвы, 37% приехали в столицу из других регионов России и лишь незначительная доля приходится на приезжих из других государств. На долю недавно прибывших (до пяти лет) приходится одна десятая часть, и уже из этого количества только 13,3% составляют выходцы из Средней Азии и Кавказа.

Опрос выявил миграционные установки москвичей: 30% респондентов хотели бы покинуть столицу на длительное время, либо навсегда, предпочтительно уехав в другую страну. Миграционные установки в целом неустойчивы, что, в частности, подтверждается неопределенностью географии предполагаемого выезда. При допущении возможности отъезда из Москвы очень многие затруднились ответить, куда именно они хотели бы уехать. Закономерно, что в большей степени

---

[1] Комплексное исследование современного этносоциального положения русскоязычного, в том числе русского, населения в регионах Российской Федерации, рук. исследования акад. В. А. Тишков.

[2] Опрос проводился с 30.10.2008 г. по 10.11.2008 г. Было опрошено 300 чел., из них 47,3% составили мужчины, 52,7% – женщины. Половозрастная и образовательная структура массива опрошенных соответствует половозрастной и образовательной структуре населения г. Москва.

настроены на отъезд люди в возрасте от 18 до 40 лет, имеющие высшее образование.

Несмотря на то, что в Москве увеличилась рождаемость и показатели средней продолжительности жизни, тревожным симптомом, выявленным в ходе опроса, является то, что 86% женщин от 18 до 24 лет не имеют детей, а 54% женщин данной возрастной категории заявили о нежелании иметь детей. По мнению некоторых респондентов, желание иметь детей "нейтрализуется отсутствием помощи со стороны государства вырастить детей здоровыми и образованными". Неуверенность в своем будущем и будущем своих детей возникает из-за осознания того, что высшее образование в Москве доступно только хорошо обеспеченным слоям общества. Слабые установки к деторождению среди молодых женщин, по всей видимости, усугубляются общими факторами социального самочувствия.

Права человека и коллективные права

Опрос показал, что большинство москвичей считает, что иноэтничные москвичи, а также принадлежащие к разным религиям, имеют равные возможности быть избранными на ответственные посты, при получении образования, в достижении материального благополучия, при получении хорошей должности. Особенно равенство проявляется в возможностях духовного и культурного развития. Большинство респондентов признали, однако, что существует неравенство в доступности высшего образования для мигрантов в пользу местных жителей.

Основную массу опрошенных москвичей составили русские, как наиболее многочисленная часть жителей столицы. Те из опрошенных русских, кто считает, что перечисленные возможности для людей разных национальностей и религий не равны, подчеркивает, что больше возможностей социального и культурного роста в Москве имеют именно русские. Некоторые отмечали, что самые плохие возможности в московской среде – у выходцев из Средней Азии. Отметим, что значительная часть иноэтничных жителей столицы также заявляет, что для них, по сравнению с русскими, меньше перспектив в получении высшего образования и в возможностях быть избранными на ответственные посты.

Многие русские респонденты замечают ущемление прав и принижение достоинства иноэтничных жителей столицы. Большинству опрошенных на фоне того, что сами они за последний год не сталкивались с ограничением своих прав по национальному и религиозному признаку, известны случаи увольнения или не принятия людей на работу по причине гражданства (46%) или национальности (21%). Гораздо реже ис-

точником дискриминации является религиозная принадлежность (3,7%). Иноэтничные респонденты чаще говорят о наличии ограничений в правах из-за национальности, гражданства и языка. Прежде всего, замечают они, ограничения проявляются в трудовой сфере.

Источником унижения и оскорбления людей на основании их религии или национальности подавляющая часть респондентов назвала телевидение, газеты, журналы. Второе место по значимости в общественном восприятии занимает такой источник ксенофобских установок, как слухи и домыслы. На третьем месте – лозунги и надписи ксенофобского характера в общественных местах. На четвертом месте, согласно субъективному восприятию – интернет. Четверть опрошенных являлись, по их заверению, очевидцами случаев оскорбления и унижения, а около 4% опрошенных сами были жертвой таких оскорблений и унижений (об этом заявляли в основном нерусские жители столицы).

Социальные позиции категорий населения

Исследование не подтвердило предположения экспертов о том, что москвичи связывают представления о качествах, требующихся человеку для достижения успеха и материального благополучия с этнизацией и клановостью доходных сфер экономики. Столичные респонденты на первое место среди факторов, обеспечивающих материальное благополучие человека, ставят профессию и образование, а не этническое происхождение или религиозную принадлежность.

Неправомерность предположений об этнизации доходных сфер экономики подтверждают также следующие данные опроса: 73% респондентов (подавляющее большинство из которых – русские) заняты в основном в таких сферах, как образование, наука, культура, здравоохранение, торговля, сфера услуг, управление, финансы. Перечисленные сферы относятся к престижным, а некоторые из них – к доходным.

Доля респондентов, считающих, что материальное благосостояние зависит от национальности, составила всего лишь 3%, среди которых, заметим, нет ни одного респондента нерусского. Вместе с тем, среди данной немногочисленной категории высока доля молодых людей от 18 до 25 лет. А вот 5% опрошенных (подавляющее большинство из которых – русские) необходимым условием для достижения материального благополучия, в том числе посредством получения хорошей должности, называют знакомства, связи и деньги. Некоторые респонденты отмечают наличие клановых структур в сфере распределения ответственных постов и хороших должностей.

Социальное самочувствие большинства опрошенных москвичей, по вполне понятным причинам, нельзя охарактеризовать однозначно.

Почти половина респондентов оценивает свое материальное положение как затруднительное, одна десятая часть – как тяжелое. Еще 10% затруднились охарактеризовать свое положение. Довольны своим материальным положением более трети москвичей. Хуже обстоит дело с оценкой жилищных условий: 37% опрошенных хотели бы их улучшить, а 28% нуждаются в более комфортных жилищных условиях.

По итогам исследования складывается довольно благоприятная картина физического здоровья москвичей. Почти 60% не курят и редко употребляют алкоголь, еще 9% и то и другое употребляют редко. Эти данные, кстати, идут вразрез с устоявшимися представлениями о том, что в стране свыше двух третьих мужчин и около трети женщин курят. Более 60% москвичей считают себя вполне здоровыми людьми, но при этом все-таки высока доля (одна пятая часть) считающих себя нездоровыми.

Культурная и языковая ситуация

Опросы показали, что москвичи слабо осознают факт культурного многообразия столицы и страны. Характерно и некоторое равнодушие русских жителей столицы к своей культуре. Так, почти половине респондентов, принявшим участие в опросе, не известны общественные или религиозные организации, поддерживающие родной для них язык и культуру. А четверть опрошенных вообще затруднились что-либо сказать на данную тему.

Невнимание столичных жителей к культурному многообразию является своеобразным индикатором благоприятных межгрупповых отношений в столице, поскольку отсутствует острая необходимость этнокультурных и этнополитических организаций. Низкая актуальность "этнической темы" объясняется не только слабой деятельностью соответствующих общественных и религиозных организаций, но и отсутствием массовой информации о них. Отметим, что этническая проблематика более интересует москвичей – азербайджанцев, чеченцев, татар, лезгин, евреев, которым, судя по данным опроса, все же известны общественные организации этнокультурной направленности.

Тревожным симптомом является то, что некоторые респонденты (таких немного) защитниками своего языка и культуры считают скинхедов и ЛДПР, чья доктрина сводится к посылу "Россия для русских". Эти немногочисленные респонденты чаще других склонны наделять "армян и азербайджанцев на рынке" негативными характеристиками.

Половине респондентов известны газеты, теле- и радиопередачи, рассказывающие о родном для них языке и культуре; но второй половине какие-либо источники неизвестны. В условиях всеобщей столич-

ной информатизации последнее свидетельствует скорее не о незнании, а игнорировании такого рода информации. Наибольшую осведомленность о СМИ, рассказывающих о родном языке и культуре, среди опрошенных проявляют московские евреи и белорусы.

Характерно представление москвичей о "непрерывности и однородности русскоязычного пространства" столицы и страны. Это свидетельствует не только о доминировании позитивных межгрупповых отношений, но и о том, что все еще бытуют наивные представления о единственно возможной культуре. Большинство респондентов считает: только один русский язык должен быть главным в стране.

При этом у москвичей нет полной ясности в оценке преподавания русского языка в московских школах. Значительная часть опрошенных (40%) считает, что преподавание соответствует потребностям населения, почти такая же часть (35%) не может определить степени соответствия. Почти четверть респондентов придерживаются мнения о том, что преподавание русского языка в московских школах недостаточно, имея в виду при этом не количество часов, а качество преподавания.

Среди языков, употребляемых в повседневной жизни в столице кроме русского, лидируют татарский, азербайджанский и таджикский языки. Если соотнести данные об употреблении языка с длительностью проживания в столице, то можно сделать предварительный вывод о том, что татарам, родившимся или выросшим в Москве, воспринимающих русскую среду в качестве своей, свойственно одновременно сохранять татарский язык. Попавшие в выборку опроса азербайджанцы и таджики живут в городе недолго (до пяти лет), поэтому в их повседневной жизни русский язык не является доминирующим.

Этнокультурная и гражданская идентичность москвичей

Исследование показало, что факторами самоопределения респондентами своей национальности являются происхождение по предкам (для респондентов всех возрастов и уровней образования), а также язык и культура (этот вариант ответа предпочитают молодые люди до 25 лет). Также довольно значительная роль в самоидентификации отводится таким признакам, как место рождения, гражданство. В несколько меньшей степени респонденты склонны определять свою национальность по тому, что в советские времена значилось у них в паспорте (наибольшее число давших такой ответ – люди старшего поколения).

Большинство опрошенных склонны, наряду с этнической принадлежностью, определять себя как "россияне". Подавляющее большинство опрошенных москвичей лично ощущают принадлежность к России. Распределение ответов на вопрос о том, что для респондента означает

понятие "Родина" также свидетельствует о многообразии идентичностей: в равной мере большинство опрошенных в понятие "Родина" вкладывают и государство Россию, и место своего рождения.

Двойственная этническая идентичность характерна для небольшого количества опрошенных. А некоторые опрошенные москвичи указали только идентичность "россияне".

Несмотря на высокий уровень патриотичности, выявленный в ходе опроса, бóльшая часть респондентов не смогла определить, соответствует ли преподавание истории в московских школах идее российского патриотизма. Как нам кажется, это связано с тем, что у жителей Москвы нет четкого представления о том, что такое и каким должен быть российский патриотизм и какой должна быть национальная идея.

Межгрупповые отношения

Исследование не выявило высокого уровня тревожности среди москвичей по поводу пресловутых межнациональных отношений. Наоборот, отмечается определенный уровень толерантности по отношению к иноэтничным жителям столицы и мигрантам.

Большинство опрошенных считают, что окружающие их люди не похожи друг на друга личными особенностями, а не этническими различиями. Многие респонденты ничего не имеют против межнациональных браков. Но в то же время довольно высока доля москвичей, которые считают, что у человека не может быть двух национальностей. При сочувственном отношении москвичей-русских к мигрантам, большинство считает, что во время переписи населения все-таки надо учитывать национальность, религию, либо и то и другое.

Почти половина опрошенных, как мужчин, так и женщин различных национальностей и возрастов, считают, что межнациональные отношения в Москве складываются по-разному. Больше трети респондентов оценивают эти отношения как хорошие. Среди небольшого числа тех, кто считает, что межнациональные отношения складываются плохо, преобладают мужчины молодого возраста с высшим и средним специальным образованием. Такое распределение ответов респондентов на вопрос о состоянии межнациональных отношений не свидетельствует об остроте ситуации.

Но при этом со стороны респондентов выявилась определенная доля неприятия на бытовом уровне к иноэтничным жителям и противопоставление себя им. Об этом свидетельствуют высказывания "на полях анкеты". Например: "браки с кавказцами недопустимы", "мигранты не должны иметь равные права на получение высшего образования". Во время опроса, когда выяснялось, что в анкете есть вопросы о меж-

национальных отношениях, встречались (редко) такие высказывания: "Я не расист, но поубивал бы их всех", "Идите и у них спросите", "Да, много их стало, ситуацию надо менять". Под "ними" подразумевались приезжие. Для определенной части москвичей межнациональные отношения означают противопоставление себя мигрантам как таковым, а не людям разных национальностей.

Данные опроса показывают, что в трудных жизненных обстоятельствах москвичи почти не надеются на "людей своей национальности". Это лишний раз подтверждает, что круги общения, социальных контактов и взаимопомощи в условиях мегаполиса не связаны с культурными различиями. Вместе с тем, высока доля опрошенных москвичей, которые заявили, что при решении проблем рассчитывают только на себя. Это свидетельствует о том, что не только социокультурные, но и семейно-родственные связи в условиях мегаполиса утрачивают свою значимость, а образ жизни все более приобретает черты индивидуализма.

Влияние СМИ на формирование общественных стереотипов

Различные исследования влияния СМИ на формирование этнических стереотипов, анализ содержания материалов центральной и региональной прессы, мониторинг прессы московского региона фиксируют значительную долю этноконфликтогенных публикаций, причем – в наиболее рейтинговых периодических изданиях. Среди таковых, например, пользующаяся вниманием у массового читателя газета "Московский комсомолец" (самая популярная ежедневная российская газета, тираж немногим более миллиона экз.), "Аргументы и факты" (еженедельная общероссийская газета, имеющая приложение "Аргументы и факты – Москва"), "Комсомольская правда" (общенациональная ежедневная газета, имеющая самый большой тираж в России и СНГ – 27 млн. экз.), "Московская правда". Заметим: этноконфликтогенные публикации с наибольшей частотой встречаются в разделах криминальной хроники, а также в аналитических статьях, затрагивающих темы криминала, терроризма и миграции.

Продуцирование ксенофобии (этнофобии) чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (преимущественно "нерусских" преступников), что способствует формированию в массовом сознании негативных стереотипов. Журналисты зачастую придают криминальной ситуации этнический аспект, спекулируя на этническом происхождении преступников или их религиозной принадлежности (хотя такие характеристики обычно являются не более чем репортерскими гипотезами). Нередко в публикациях "выявляются" почва или мотивы

преступлений, якобы, связанные с этноконфессиональными причинами. Так, представители масс-медиа традиционно рассматривают в этническом контексте социальную по своей природе проблему неконтролируемого притока в столицу неквалифицированной рабочей силы и связанного с этим наплыва криминальных элементов из республик бывшего СССР и "неблагополучных" регионов России.

Объектом нападок и некорректных обвинений в негативном влиянии на экономические и социальные процессы в столице в основном становятся приезжие трудовые мигранты из стран СНГ, в особенности – выходцы из среднеазиатских республик. В отдельных публикациях "Московской правды" ("лидер" по количеству конфликтогенных публикаций) "гости столицы" интерпретируются буквально как цивилизационные враги России и русских, представляющие для москвичей угрозу не только социальную, экономическую и политическую, но также опасность культурную и демографическую...

Одним из часто используемых приемов формирования негативных представлений у читательской аудитории в отношении мигрантов является некорректное использование различных статистических показателей. В условиях весьма ограниченного доступа к надежным официальным данным либо их отсутствия журналисты произвольно и тенденциозно определяют количество мигрантов в Москве. Результатом этого становится тиражирование мифа о неуклонном росте численности представителей иноэтничных групп в Москве. Нередко в публикациях звучит тревога по поводу сокращения численности "коренных" москвичей и этнических русских.

В определенной степени формированию ксенофобии, негативных межэтнических установок в массовом сознании, обострению взаимодействия этнического большинства с представителями иноэтничных групп в столичном мегаполисе способствует публикация материалов, содержащих обобщения о чертах "национального" характера или "культурных" особенностях образа жизни и поведения представителей различных этнокультурных групп.

Особо следует отметить значительную часть этноконфликтогенных публикаций, посвященным событиям на Северном Кавказе и проблемам терроризма. Как правило, такие публикации связаны с демонизацией образа "чеченца" и "кавказца". Некорректное использование журналистами ряда религиозных терминов (шахид, моджахед, воин Аллаха и пр.) применительно к бандитам и террористам-смертникам способствует формированию ложных представлений о нормах ислама и, соответственно, негативного образа мусульманина. Конфликтогенные статьи на тему террора публиковались в "Аргументах и фактах", в

меньшем количестве – в "Московском комсомольце" и "Московской правде".

Многие исследователи "этнической" темы в СМИ приходят к одному и тому же выводу: тиражирование установок ксенофобии часто является следствием не позиции редакции того или иного средства массовой информации, а результатом некомпетентности и профессиональной некорректности журналистов. Вследствие этого вполне нейтральные по содержанию статьи, отражающие проблемы мигрантов, производят конфликтогенный эффект, поскольку способ подачи материала, отдельные формулировки или фотографии способствуют формированию межкультурных предубеждений.

Следует отметить, что ряд российских исследователей сходятся во мнении о том, пресса не столько непосредственно формирует, сколько помогает оформлению уже относительно сложившегося в обыденном сознании образа. Вывод достаточно спорный, поскольку опросы показывают, что именно пресса является для многих респондентов первоисточником материалов ксенофобского характера.

Нельзя оставить без внимания вопрос о формировании в прессе стереотипов в отношении русских. Журналисты уделяют сравнительно много внимания русскому народу, способствуя формированию его образа в массовом сознании. Анализ публикаций показывает, что, в основном, акцент делается на негативных этнических характеристиках, что, конечно, не добавляет толерантности москвичам. Будоражащая идея о сокращении численности русских и "вымирании" часто повторяется в разных формах. Читатель сталкивается на страницах газет с запугиванием, уничижением, насмешками в адрес русских, пишут о "неудачах России", связывая их с русским народом. Газеты не оставляют тему пьянства, в ряде случаев расценивая его как "яркую особенность" русского народа. Основные характеристики русских, представляемые массовому читателю, часто негативны и сопровождаются подтекстом о том, что "так было раньше, так будет и впредь". Подобная "идеологическая" деятельность СМИ может способствовать формированию массовой негативной самоидентичности населения, особенно молодого поколения и порождать межгрупповую нетерпимость.

"Этническая" пресса предпринимает попытки нейтрализовать негативный социально-психологический фон в отношении иноэтничных мигрантов. Наиболее характерные способы, использующиеся для этого, следующие: материалы, рассказывающие о значительном вкладе того или иного народа в целом и отдельных его представителей в развитие национальной и мировой культур; очерки об отдельных политиках, военных, деятелях культуры, науки; публицистика о проблемах этнической нетерпимости со стороны отдельных российских политиков или нацио-

налистических движений; публикации рассказов, миниатюр, показывающих проблемы и радости обычного человека и демонстрирующих близость представлений и потребностей любого человека вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности.

К сожалению, стремление этнических активистов вернуть дискредитированному столичной прессой образу того или иного народа положительный имидж и "оправдать его присутствие" в столице реализуется только на страницах прессы и интернет-сайтах национально-культурных организаций, т. е. – малыми тиражами и с малым охватом читательской аудитории.

Следует отметить, что предложения по улучшению ситуации в Москве, звучащие со стороны "этнической" прессы, исходят из парадигмы культурных различий и необходимости ее преодоления в основном за счет формирования у местных более привлекательного образа "приезжих" путем информирования их об особенностях отдельных культур. Такой подход способствует еще большему усугублению восприятия различий, а не единства. На страницах "этнических" изданий отсутствует критический анализ действий членов собственных сообществ, возможных причин, осложняющих адаптацию и интеграцию. "Этническая пресса" широкой читательской аудитории не имеет, и это лишает москвичей возможности воспринимать альтернативную информацию об иноэтничных жителях города в противовес тенденциозной и мифологизированной информации многотиражных СМИ.

На сегодня количество "этнических" газет (в том числе русских) в Москве достигает трех десятков, треть из которых имеет электронные версии. Заметим, что сайты этих газет размещены в российском сегменте интернета. В Москве издаются 4 журнала, на страницах которых можно найти информацию о национальной и миграционной политике, о жизни этнокультурных общественных организаций и национально-культурных автономий ("Век толерантности", "Этносфера", "Миграция. Московское притяжение", "Таджикистан").

Обращает на себя внимание тот факт, что радикальные националистические электронные издания и ресурсы, такие, например, как газета "Русская Правда", информационно-аналитический портал "Евразия" имеют зарубежные хосты (net и org), что создает большие сложности для привлечения авторов к ответственности за разжигание национальной и религиозной ненависти. Однако и в недрах российского интернет-пространства любой желающий может найти материалы газеты "Эра России", заглянуть на экстремистский сайт "Русская Республика", портал сетевой войны Евразийского союза молодежи. Серьезные российские информационные агентства как, например, "Новый Регион" позволяют себе публиковать интервью лидеров национал-экстремистских организаций.

Российское информационное агентство "Новый Регион" в октябре 2008 г. опубликовало интервью лидера ДПНИ А. Белова, в котором он безосновательно утверждал, что "люди, которые внешне от вас отличаются" совершают большое число преступлений; Белов запугивал читателей 7-ю миллионами гастарбайтеров, которые живут в Москве, и которые из-за безработицы начнут массово нападать на москвичей. Этот деятель призывал к депортации мигрантов и массовому вооружению населения.

Среди электронных ресурсов, которые много внимания уделяют противодействию ксенофобии и экстремизма, публикуют информацию правозащитных организаций, в том числе Московского бюро по правам человека, нужно отметить информационное агентство "Regnum". Такие сайты как www.sova-center.ru, www.antirasizm.ru ориентированы на фиксацию случаев нападения на жителей стран СНГ, дальнего зарубежья и россиян "неславянского происхождения" или "неславянской внешности".

С другой стороны, ДПНИ на своем сайте (www.dpni.org) также размещает информацию о нападениях, но только в тех случаях, когда жертвой преступления со стороны иноэтничных становится москвич со славянской внешностью.

Деятельность общественных организаций этнокультурной направленности

Органами власти Москвы все большее внимание уделяется вопросам деятельности национальных общественных объединений. Согласно Постановлению Правительства Москвы от 24 апреля 2007 г. N 314-ПП "Об утверждении Положения о Комитете межрегиональных связей и национальной политики города Москвы", данный Комитет "содействует обеспечению условий для удовлетворения этнокультурных потребностей жителей города Москвы разных национальностей, в том числе деятельности национально-культурных автономий и общественных объединений города Москвы, основная цель деятельности которых направлена на сохранение и развитие национальной культуры по самостоятельному решению ими вопросов сохранения самобытности, развития родного языка, образования, национальной культуры на основе добровольной самоорганизации". С 2007 г. Комитет межрегиональных связей и национальной политики начал заключать соглашения с некоторыми национальными общественными организациями о совместной деятельности по проведению разъяснительной информационной работе, направленную на укрепление межнационального мира, на форми-

рование у жителей столицы позитивных установок на взаимодействие с иноэтничными жителями.

Представители НОО и национальных общин, наряду с чиновниками и представителями правоохранительных органов, участвуют в круглых столах в префектурах тех районов Москвы, где возникают острые ситуации на национальной почве.

В прежние годы основная деятельность НОО была направлена на сохранение культурных традиций, пропаганду среди москвичей национальных языков и культур, организацию школ, курсов с национальным языком обучения, издательскую деятельность, пропагандирующую интересы этнических общин Москвы. В то же время наблюдалась слабая ориентация руководителей национально-культурных обществ на ознакомление своих членов с достижениями других этнических культур, в том числе русской. Московский дом национальностей в определенной степени сегодня решает эту проблему, реализовывая такие программы как "Московские семьи разных национальностей", в рамках которых проводятся познавательные вечера этнокультурной направленности.

Существуют разногласия среди активистов национальных организаций. Характерно также недостаточное внимание к трудовым мигрантам со стороны этнокультурных объединений, склонность национальных организаций замыкаться на вопросах собственного существования.

Некоторые аналитики считают, что характер взаимодействия национально-культурных объединений и власти, не наполненный реальным содержанием, не способствует гармонизации межэтнических отношений в столице. По их мнению, государственная поддержка (в том числе финансовая) национально-культурных автономий не будет способствовать профилактике конфликтов и снижению межэтнической напряженности, поскольку деятельность этнических активистов, не могущих выступать от имени народа, ориентирована, в первую очередь на культивирование этнической, а не общенациональной российской идентичности.

Несмотря на перечисленные проблемы, следует отметить положительные моменты в общественно-политической деятельности национально-культурных организаций, находящихся в Москве. Общественными организациями инициированы мероприятия по противодействию ксенофобии, экстремизму и терроризму (круглые столы, организация пресс-клубов, акции протеста, акции памяти); правозащитная работа, в том числе подача исков в суд с требованиями наказания за разжигание межнациональной розни; проведение мониторинга антисемитских публикаций в СМИ и на электронных носителях. К наиболее активным в Москве относятся еврейские, азербайджанские, армянские общественные организации.

При смещении акцента в деятельности национальных общественных объединений с узкой специализации на поддержании своей культуры и языка на решение общественно значимых задач таких, например, как налаживание взаимодействия с управами и префектурами, активной работы с приезжающими в Москву мигрантами, данные организации могут влиять на стабилизацию и гармонизацию межэтнических отношений в столице.

Во время опроса интервьюеры отмечали, что до половины респондентов вели себя настороженно, спрашивали, кому, куда и зачем требуется такая анкета. Некоторые люди боялись давать ответы, несмотря на анонимность опроса. Среди комментариев по поводу целей исследования были такие: "Зачем нужны эти исследования? Все равно ничего не поможет", "Никакие министерства, никакая власть ничего не изменят", "Они только деньги отмывают". При этом опрос выявил, что общественно-политическая активность подавляющего большинства респондентов крайне низка.

Что касается поддержки со стороны общественных или религиозных организаций, то подавляющее большинство опрошенных москвичей не считают, что эти институты способны оказывать реальную помощь в различных сферах жизни, в частности, при устройстве на работу, при возникающих трудностях с милицией. Лишь некоторые респонденты говорят, что пенсионерам, детям, инвалидам и многодетным матерям можно получить какую-то помощь со стороны общественного и религиозного секторов. Это говорит не в пользу развитости гражданского общества, и свидетельствуют о пассивности московского обывателя, который испытывает недоверие к властям и гражданским структурам.

Ксенофобия в Москве

О. Н. Подлесных

В самом большом городе России ксенофобский стереотип складывается из-за бытовых мелочей. Но особенно сильно действует пропаганда через СМИ и интернет. Термин "ксенофобия" вошел в русский язык сравнительно недавно (последнее издание Большой советской энциклопедии не содержит статьи о ксенофобии). Под ксенофобией (от греческого xenos – "чужой" и phobos – "страх", "боязнь") обычно понимают страх перед чужими людьми, переходящий по отношению к ним в неприятие. Стоит отметить, что содержание этого понятия, во всяком случае, в русском языке уже значительно отклонилось от первоначального, где на первый план выступал психологический момент "фобии". Сейчас оно скорее подразумевает различные формы нетерпимости и даже агрессии по отношению к любым "чужакам" или вообще "иным" и "другим", а так же к их языку, образу жизни, стилю мышления. Понятие вместило такие формы нетерпимости и расизма как мигрантофобия (например, кавказофобия), религиозные формы нетерпимости (исламофобия, мусульманофобия), юдофобия (антисемитизм) и т. д. Идеологи ксенофобии уже не столько *боятся* "иных", сколько полагают возможным вымещать на них зло, проявляя социальную агрессию, накопившуюся в иных обстоятельствах и по другим причинам. Ксенофобия проявляется сегодня в форме негативных этнических и расовых стереотипов и в агрессивных действиях или призывах к ограничению в правах и депортации представителей иных этнических, расовых, или религиозных групп.

Если в англоязычной литературе понятие "расизм" считается более общим и включает в свой объем различные формы ксенофобии, то во Франции и Германии эти понятия различаются и даже в некоторых случаях противопоставляются. В Германии расизм в наибольшей степени ассоциируется с периодом нацизма, и его использование в отношении современной мигрантофобии оказывается неприемлемым. А во Франции выступления против мигрантов характеризуются риторикой, подчеркивающей культурные, а не биологические отличия[1].

Сегодня под ксенофобией уже чаще всего понимают совокупность этнических предубеждений и основанное на них поведение, при этом

[1] *Banton, Michael.* The Cultural Determinants of Xenophobia //Anthropology Today. 1996. Vol. 12, No. 2, pp. 8.

разные авторы по-разному трактуют понятие "этническое предубеждение". В справочном пособии Б. Берельсона и Г. Стейнера "Человеческое поведение. Сводка научных данных" *предубеждение* определяется как "враждебная установка по отношению к этнической группе или ее членам как таковым". В учебнике социальной психологии Д. Креча, Р. Крачфилда и Э. Баллачи предубеждение определяется как "неблагоприятная установка к объекту, которая имеет тенденцию быть крайне стереотипизированной, эмоционально заряженной и нелегко поддается изменению под влиянием противоположной информации". В "Словаре по общественным наукам", выпущенном ЮНЕСКО, читаем: "Предубеждение – это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь"[2].

Если вести речь о таком расширенном понимании ксенофобии, то следует отметить ее избирательность (что отличает ее от стандартных "клинических" фобий) и даже ее весьма парадоксальное сочетание с ксенофилией – тягой к чужому (по Умберто Эко), проявляемые по отношению к отдельным культурам, языкам, предметам потребления и т. д. Иными словами, в отличие от клинических фобий, страх и отвержение распространяется не на все чужое, не на все элементы культуры "чужаков", но обычно на те, которые воспринимаются как нарушающие привычные устои и угрожающие непосредственно безопасности, либо благополучию конкретных людей – носителей ксенофобных установок. Вопрос о том, почему к одним группам и их представителям в обществе может существовать толерантное, а к другим ксенофобское отношение, до сих пор не имеет однозначного ответа.

Альтернативу понятию "ксенофобии" представляет термин "толерантность". Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает "уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности"[3]. Таким образом, толерантность подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр.

---

[2] Все цитаты приведены по: *Кон И. С.* [1966] Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) //Психология национальной нетерпимости. Минск: Харвест, 1998. С. 11.

[3] Декларация принципов терпимости (http://bhc.unibel.by/prava/toleranc.htm).

В федеральной программе "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)" понятие "толерантность" применяется в трактовке Декларации принципов толерантности, принятой странами-членами ЮНЕСКО в 1995 г. как терпимость и уважение ко всему "иному". В федеральной программе толерантность связывается с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, уничтожать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий[4].

О ксенофобии в Москве стали говорить в последние 10-15 лет, хотя само явление, разумеется, наблюдалось и прежде. Однако агрессия направлялась не столько на "иных" в этническом и расовом отношениях, сколько на "гостей столицы" вообще. В этой связи уместно вспомнить, например, неприязнь по отношению к "лимитчикам", или к торговцам на рынках. В советском прошлом ксенофобия имела отчетливую социально-сословную или сословно-профессиональную составляющую, которая сегодня, на мой взгляд, отступила на задний план. Причины этого лежат, скорее всего, в экономике, поскольку после перестройки с ее "шоковой терапией" у значительного количества людей в Москве уровень жизни снизился ниже привычной планки. Их агрессия направлялась уже не в адрес социальных низов или верхов, но на еще более бесправную часть населения – недавних приезжих. Многие исследования показывают, что среди бедных слоев населения негативные настроения обычно распространены шире, чем среди состоятельных. Это свидетельствует о том, что здесь играет роль не только субъективная оценка благосостояния, но и его объективное снижение. В постсоветский период вырос и уровень агрессии против мигрантов. Что бы ни говорили, случаев убийства приезжих по мотивам расовой или этнической ненависти в советское время не отмечалось, и на эту тему не было обсуждений, о чем свидетельствуют мнения самих москвичей[5].

По данным Л. М. Дробижевой, за последние годы значительно изменилась социальная база ксенофобов, в частности, носителей крайних националистических идей. Снижение социального статуса порождает чувства обиды и ущемления. "Это касалось как интеллектуалов, которые никак не могут приспособиться к требованиям сегодняшнего дня, так и квалифицированных работников физического труда, не нашедших для себя адекватного места. В среде молодежи ксенофобскими настроениями заражена значительная группа учащихся ПТУ или рабочих, которые видят богатство только в кино или на московских улицах... "Этнический

---

[4] *В. В. Усачева.* "Свои" и "чужие" в зеркале СМИ (освещение электронными СМИ погрома в Царицыно 30 октября 2001 года) //Чужие здесь не ходят. М., 2004. С. 226.

[5] Ср.: *Осталенко Л. В., Субботина И. А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. С. 183.

негативизм" проявляет и часть управленцев, бизнесменов, номенклатуры и политиков – особенно тех, кто чувствует себя неуверенно"[6].

Экономический кризис 1990-х гг. отмечался резким снижением уровня жизни у интеллигенции. Люди были вынуждены бросать свою профессию и заниматься мелкой торговлей, становились "челноками". Известный социолог, исследующий структуру массового сознания, Лев Гудков отмечает, что "при некотором снижении ксенофобии в российском обществе, отмечаемом в последние годы, единственной группой, демонстрирующей не просто сохранение прежнего уровня этнического негативизма в отношении нерусских, но и рост комплекса ущемленности, обиды, страха перед "распродажей национального богатства страны", готовность ограничить доступ к значимым социальным позициям "чужаков", является группа респондентов с высшим образованием"[7]. За 7 лет наблюдений (с 1990 по 1997 гг.) доля подобных ответов в социологических опросах увеличилась почти вдвое, с 39 до 69%. "В этой среде полагают, что государственные органы должны следить за тем, чтобы "инородцы", "нерусские" не могли занимать ключевые посты в правительстве, средствах массовой информации, в армии или милиции"[8].

Исследования последних лет устойчиво фиксировали негативное отношение к усилившейся миграции в Россию иноэтничного населения, как со стороны москвичей, так и жителей других российских городов. На основе материалов социологических опросов, проведенных в начале 2000-х гг. Центром миграционных исследований, был сделан вывод о том, что "население России страдает мигрантофобией, воспринимает миграцию как внешнюю и иноэтничную по отношению к доминирующему национальному большинству регионов; на этой основе происходит неприятие, отторжение мигрантов основной массой местных жителей". Материалы московского опроса 2006 г. в целом подтвердили это заключение[9]. По данным другого исследования, проведенного Ю. В. Арутюняном, 64% москвичей отрицательно реагировали на приезд мигрантов (Арутюнян 2006: 52). Наиболее толерантными оказались москвичи в возрасте 30-49 лет – 46% негативных оценок против 56% у молодежи и 67% у пожилых[10]. Вполне ожидаемым образом данные этих опросов подтвердили распространенное среди исследователей ксенофобии положение, что наиболее сильное влияние на отношение давних жителей столицы к

---

[6] http:/demography/invur.ru.

[7] *Гудков* 1999 *Гудков Л.* Антисемитизм и ксенофобия в России, 1990–1997 //Старые и новые фобии в России. М., 1999.

[8] Там же.

[9] Цит по: *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. С. 153.

[10] Там же. С. 155.

мигрантам оказал такой фактор, как удовлетворенность жизнью: люди, сумевшие адаптироваться к постсоветским условиям, более чем в полтора раза реже давали негативные оценки иноэтничной миграции, нежели те, кто не смог этого сделать[11].

Высказывания негативного характера в адрес выходцев из кавказского региона усилились после трагических событий осени 1999 г. в Москве, когда были взорваны дома на улице Гурьянова и на Каширском шоссе. После первого взрыва, в СМИ хоть и прослеживалась настороженность по отношению к представителям "кавказской национальности", она была выражена относительно слабо. Когда же прогремел взрыв на Каширском шоссе, практически все газеты констатировали начало "войны" на территории Москвы. На страницы газет было выброшено огромное количество нелицеприятных суждений, скороспелых выводов, безжалостных обвинений всех чеченцев (и кавказцев в целом) в экстремизме, желании стереть русских с лица земли, в попытке захватить российские территории с целью создать свое государство. Стали высказываться предположения, что "кавказская мафия контролирует до половины российских банков", что "на деньги обманутых вкладчиков покупаются оружие и гексоген для террористов", появились призывы немедленно "прижать кавказские криминальные авторитеты", и тогда взрывы якобы должны были сразу прекратиться[12].

С начала 2008 г. количество нападений на выходцев с Кавказа и Центральной Азии в Москве выросло в два раза по сравнению с предыдущим годом. Представители диаспор и власти государств СНГ потребовали от В. Путина, а также В. Пронина, главы столичного ГУВД, защитить иностранцев. Милиция начала массовую проверку столичной молодежи, хотя не признала, что это связано с нападениями.

По сообщению С. Чарного из Московского бюро по правам человека (МБпЧ), за первые два месяца 2008 г. в столице были убиты 18 чел. неславянской внешности, а за тот же период 2007 г. – 9 чел. По сведениям главы МБпЧ А. Брода, "каждый год количество преступлений на национальной почве увеличивается [в Москве] на 15 процентов". Адвокат С. Цатурян считает, что "в первую очередь это происходит из-за сравнительно мягких приговоров нацистам".

Типичным в этом смысле был прошедший в Москве в июле 2004 г. процесс по делу В. Корчагина – члена руководства НДПР (Национал-державной партии России), обвинявшегося по статье 282 УК РФ. Поводом для привлечения к уголовной ответственности стали призывы обвиняемого добиться "полной депортации евреев" из России, выселения

---

[11] Там же. С. 157.

[12] *В. В. Усачева.* "Свои" и "чужие" в зеркале СМИ (освещение электронными СМИ погрома в Царицыно 30 октября 2001 года) //Чужие здесь не ходят. М., 2004. С. 268.

уроженцев Кавказа на Кавказ с последующим отделением республик Северного Кавказа от России. Христианскую религию обвиняемый называл "троянским конем" еврейства, с помощью которого "жиды сумели оккупировать Россию". В издаваемом В. Корчагиным журнале "Русич" христианство характеризуется как "духовный СПИД", "вероучение для расово неполноценных особей". Примечательно, что защиту В. Корчагина на процессе осуществлял А. Севастьянов, сопредседатель НДПР, который в эфире Ren-TV с одобрением отозвался об убийстве в Санкт-Петербурге этнолога Н. Гиренко, выступавшего против расизма[13].

В конце января 2008 г. суд присяжных повторно оправдал Р. Полусняка, которого обвиняли в убийстве 19-летнего жителя г. Пушкино А. Сардаряна, произошедшем 25 мая 2006 г. На молодого армянина напали в электричке Москва-Софрино, нанесли ему несколько ножевых ударов в грудь, шею и голову. Раны были несовместимы с жизнью. Свидетели убийства опознали Полусняка, который к тому времени отбывал наказание за другое преступление – избиение дагестанца, за которое он был осужден на два года колонии. "В сложившейся ситуации в первую очередь виновато государство: нет четкой молодежной и миграционной политики", – заявил А. Брод. "Государство должно помогать мигрантам интегрироваться. Милиция также должна активнее и результативнее бороться с этнической преступностью. Ведь молодые люди просто начинают вершить самосуд"[14].

За последнее десятилетие произошло углубление противопоставления "мы – они" в общественном сознании. Население Москвы стало все чаще противопоставлять себя и представителей "других народов", другого вероисповедания, мигрантов, беженцев, сформировался образ "врага". Это чаще всего кавказцы или выходцы из Средней Азии, причем, как правило, российские граждане не отличают представителей этих народов друг от друга. Поскольку значительная часть выходцев из этих регионов исповедуют ислам, негативное отношение населения к представителям других национальностей переносится и на религию.

---

[13] *В. Р. Филиппов.* Роль этнологов в выработке легитимных способов противодействия ксенофобии в СМИ //Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 134-135.

[14] Подробнее см.: Бюллетень сети этнологического мониторинга. М., 2008. № 77. С. 63-64.

Этнические стереотипы в среде московской молодежи: "они не понимают нас, а мы – их"

И. С. Савин

Мы провели изучение наиболее распространенных в подростковой и юношеской московской среде этнических стереотипов. Для этого в январе 2007 г., а затем и в январе 2008 г. было проведено обследование 6 фокусе-групп в 4 школах Нижегородского района г. Москвы, одна фокус-группа в расположенном там же колледже, одна фокус-группа с активистами молодежного клуба "Кругозор", в число которых входили юноши и девушки 17–22-х лет, школьники и студенты разных вузов города, и два интервью с преподавателями школ. В одной из школ удалось провести две раздельные фокус-группы: русскую и армянскую. Выбор школ определялся многонациональностью контингента их учащихся и расположением в микрорайонах, в которых на протяжении последних 15 лет сформировалось разнокультурное население.

Нужно отметить, что среди исследованных нескольких десятков русских молодых людей большинство имеют положительный настрой на восприятие инокультурных групп и на общение с их представителями. В ходе бесед не выявилось эмоциональной вовлеченности в эту тему и желания ее развивать. У большинства школьников обнаружилось индифферентное восприятие как в отношении своей, так и чужой этничности. Типичная фраза; "Z ко всем одинаково отношусь". При этом охотно рассуждали о том, что человека нужно оценивать по его личным достоинствам.

В некоторых случаях называли в качестве главной коллективной идентичности – принадлежность к москвичам и затруднялись однозначно определить собственную идентичность? (особенно, в случае смешанных браков). Интересно отметить, что несколько школьников и студентов, говоря о своей московской идентичности описывали ее наподобие этнической принадлежности (ощущение гордости за принадлежность именно к этой группе, символическая близость или обладание социально-культурными ценностями, которых лишены "немосквичи", осознание своего отличия от них именно на основании этого признака). Размышляя по поводу причин особой значимости для них именно этой региональной идентичности, они отмечали особое значение специальных усилий со стороны школы (уроки "москвоведения") и постоянного сопоставления/противопоставления себя и "других".

Уместно заметить, что скромная роль этнической идентичности в структуре самоощущений московской молодежи объясняется отсутствием специальных усилий со стороны семьи, общественных организаций по актуализации именно такого типа идентичности. Свою роль играет и редкая потребность в повседневной жизни проявлять этнически окрашенные чувства. Благодаря этому проявилась низкая подверженность большинства участников этнически мотивированному восприятию своего окружения.

Даже если дискуссия намеренно обострялась исследователем путем напоминания о возможных случаях столкновений с "чужими", то и в этом случае большинство предпочитало находить какие-то примирительные формулы. Как правило, девушки толерантны более, особенно учащиеся 9-х классов. Даже если вспоминают о каких-то случаях, связанных с некорректным отношением к ним людей с отличающейся внешностью, девушки, как правило, не склонны к обобщениям. Более активны в выстраивании обобщенных стереотипов парни. Но таких меньшинство. Все же приведем примеры высказываний: "Мне не нравится, что в Москве все больше нерусских. Негативность у другой нации мне кажется намного больше. Они не понимают нас, а мы – их". Юноши, попадавшие в неприятные инциденты обычно более категоричны: "если идет нерусский, то он настолько гордый, что ему кажется: всем чужим надо голову проломить".

В более старшем возрасте ситуация меняется. Абсолютное большинство девушек – школьниц 11 класса и студенток колледжа рассказывают о неприятных случаях, связанных с "нерусскими", причем, используя стереотипизацию образов: "На рынке – люди кавказской национальности – хамы и грубияны. Они ведут себя нагло. К ним плохо отношусь. А к другим, по-другому". "Много нерусских на улицах. Это вызывает опасения, очень часто пристают кавказцы, армяне, азербайджанцы, которые торгуют на рынках. Обзываются в грубой форме". Парни этого возраста более спокойны, в отличие от более младших школьников они уже имеют устоявшееся представление о людях другой национальности ("чужие", "кавказцы", "приезжие"), как правило, негативное и, как правило, подкрепленное уже не только воспоминаниями об отдельных случаях неприятных инцидентов, но и законченными суждениями.

В некоторых высказываниях юношей-десятиклассников чувствовались алармистские настроения: "...сегодня приезжает очень много иногородцев, и они забирают русских девушек, увозят к себе...". То есть, уже заметны тенденции осознания присутствия здесь "чужих" как угрозы "нашему будущему". На этом же основывается личная позиция: "в каждой национальности пара должна быть той же национальности. Главное – чтобы религия была похожа, чтобы славяне. Нужно, чтобы

были похожи. Мне не нравится, когда они разные". Эта тема занимает значительное место в рассуждениях 18–19-летних девушек на тему "мы–они". "Я выйду не за мусульманина, так как там заранее родителями выбираются партнеры, и они сами даже не знакомы друг с другом". Это довольно распространенное мнение, некоторые девушки в ответ на вопрос, кем бы они хотели видеть спутника жизни, сразу категорично подчеркивали: "только не с этим", имея в виду кого-то не из "своих". Несомненно, такие настроения являются одной из составляющих негативного образа "чужого", который чаще всего представлен как мусульманин и выходец с Кавказа и Востока.

Интересно посмотреть, как сами московские школьники объясняют для себя не нравящиеся им особенности поведения "чужих". Есть безапелляционные суждения, содержащие высокий уровень предубежденности и негативной стереотипизации: "да они просто дикари". "У них там свои законы, а здесь как бы свободная страна и без последствий все обходится". "Там они всего боятся, а здесь не стоит за каждой девушкой куча братьев, вот у них крыша и едет".

Нужно отметить, что многие различают "чужих" по степени их социального положения: "строители со строек – они тихие спокойные, они всего боятся, милиции, у них ничего нет, они просто дешевая рабочая сила. А вот люди, у которых есть регистрация – они настолько обнаглели". Сами школьники объясняют эти особенности "других", исходя из собственных представлений: "нерусские мужского пола – люди необдуманные, вспыльчивые, горячие. Большинство их проблем – из-за их вспыльчивости, у них это в крови". Это мнение школьников 9–10-х классов, которые просто отмечают для себя инаковость поведения, но не особенно задумываются над причинами, его вызывающими. Есть и более продуманные мнения: "Это объясняется разницей воспитания у них мальчиков и девочек. Мальчикам – полная свобода, девочкам – скромность. Русским детям дико видеть поведение их, которые никогда не были в садике или в коллективе". "Может быть, они как-то на другом уровне находят выброс своей энергии, они же сами по себе как бы не агрессивные, а темпераментные". Это рассуждения более старших школьников и студентов.

Нужно отметить, что в приведенных рассуждениях присутствуют попытки объяснить странности "чужаков" не изначальной "чуждостью" или враждебностью, но особенностями воспитания. Подростки ощущают, что грубость и агрессивность приезжих является частью "их" стратегии поведения, а не природными свойствами. Студенты и старшие школьники отмечали, что типичная для "них" походка (вразвалочку, с широко разведенными плечами, надменным прищуренным взглядом) выглядит очень

странной в Москве и привлекает к себе внимание. Высказывали недоумение по поводу того, почему "они" так специально вызывающе ходят.

Особенности чрезмерно маскулинного поведения выходцев с Кавказа в Москве подробно рассмотрены в статье Д. В. Громова[1]. Можно только добавить, что привносимые из более традиционалистских обществ модели поведения юношей основаны на представлениях, согласно которым наиболее успешный индивид должен быть самым сильным. На этом основана конкуренция статусов в ходе соперничества субъектов, претендующих на более высокое место в негласной, но действенной уличной иерархии. Москвичи-юноши прекрасно чувствуют стоящий за этим поведением вызов, но большинство из них не считают такое поведение адекватным для городской среды. Даже самые "антикавказски" настроенные школьники уверены, что если бы они вели себя как все, то никаких неприятных чувств не вызывали бы, и никакой ксенофобии и не было. Никто из подростков не выразил сочувствия убийцам кавказцев и азиатов в Москве, хотя большинство считает, что чаще всего такие случае спровоцированы вызывающим поведением приезжих.

Нужно отметить, что в некоторых случаях неприятные ощущения, родившиеся от взаимного недопонимания со своими одноклассниками – представителями другой культуры, становятся основой для создания негативного отношения к "другим вообще". Позже эти установки могут укрепляться. И, тем не менее, устойчивого негативизма не наблюдается. Из 50 русских участников фокус-групп только 4 юноши и 3 девушки продемонстрировали склонность к устойчивой негативной стереотипизации.

Говоря об армянских школьниках 11 класса, также принявших участие в исследовании, нужно подчеркнуть, что они демонстрировали совершенно иное отношение к этнической идентичности. Если русские школьники чаще говорили, что им ничто не напоминает об их этничности, то армянские, напротив, утверждали, что им об этом напоминает "буквально все и каждую секунду". Выяснилось, что это "все" заключается, прежде всего, во внутрисемейных разговорах и в повышенном внимании со стороны милиции. Это наблюдение соответствует выводам других исследователей. В частности, отмечено, что у детей меньшинств развивается более ранняя и четкая этническая идентичность[2]. В нашем случае "более ранняя и четкая этническая идентичность" сопряжена также с более однозначной этнической стереотипизацией,

---

[1] Громов Д. В. Соревнование маскулинностей" как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве //Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. – М., 2007, сс. 367-404.

[2] Лебедева Н. М., Лунева О. В. , Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. – Москва, 2004, с. 51.

рожденной определенным культурным контекстом. Например, один из школьников, услышав тему беседы, сразу резюмировал: "Я всех люблю и уважаю, кроме турок!". И в дальнейшем в этой группе тема турецко-армянского конфликта начала 20-го века звучала не раз, чувствовалось, что она является часто обсуждаемой для этих школьников.

Армянские школьники – москвичи, по крайней мере, те, что попали в нашу исследовательскую выборку, видят социальный мир состоящим из различных этнических общностей и предполагают, что у других людей господствует "этническая" категоризация. Говоря о ком-либо, они четко определяют, что говорят про русских, азербайджанцев и т. д. Сходные наблюдения были отмечены и у других нерусских участников смешанных фокус-групп в других школах. Как представляется, при анализе стереотипов у школьников учет отличающегося контекста этнической идентификации является необходимым условием.

Одной из часто отмечаемых нерусскими школьниками особенностей русских является грубость последних. По мнению студентки колледжа татарки, "в последнее время плохое отношение к чужим – чуть ли не в крови у русских". Об этом же говорит школьник 11 класса кабардинец: "Я заметил среди этой нации неуважение к другим нациям. Большинство есть русских хороших. Но есть отпрыски фашизма, хотя эта нация подавила фашизм". "Мне на каждом шагу напоминают, что я черный, грязный", — говорит школьник армянин и дает свою версию объяснения негативного отношения москвичей к приезжим: "... местные считают себя москвичами, значит, они должны жить как короли, не работая. И то, что те народы, которые работают, сейчас хорошо живут, москвичи, которые здесь жили и не работали, считают, что приезжие не должны были этого достичь. То, что раз Москва, — значит их. И они не понимают, что вся Россия – это многонациональная страна".

К этому мнению примыкает стереотип о социальной несостоятельности, разобщенности русских, отсутствии у них взаимоподдержки: "русские не стоят один за другого, позволяют своих обижать". Такая модель поведения, рожденная существованием в больших деперсонифицированных городских сообществах, недавним приезжим, опирающимся прежде всего на родственные и земляческие круги, кажется ненормальной.

Еще один распространенный стереотип — неприемлемое, с точки зрения приезжих, чаще всего, выходцев с Кавказа, поведение русских девушек: "...любая нерусская девушка, армянка, кабардинка, они считают свою нацию, они не распущены, не развязны. Вы, наверное, видите, что происходит у нас на улице, какие девушки пошли. И заметьте, большинство из них — русские". Поведение современных девушек, из которых каждая имеет право вести себя так, как решит сама, воспри-

нимается как свидетельство "испорченности" нравов и неблагополучности всего русского народа.

В положительных стереотипах русских у армянских школьников как в зеркале в обратной перспективе отразились их стереотипы в отношении армян: армянские девушки наделили русских девушек теми чертами, которых им не хватает в общении с армянскими девушками. Так, если стереотип русской девушки в восприятии нерусских парней носил скорее отрицательный характер, то в восприятии армянских девушек он уже проявляется больше как положительный: "Русские – дружелюбные очень. С ними очень легко дружить, найти общий язык. Русская девушка самостоятельная, независимая".

Армянские парни, считая отсутствие сплоченности недостатком русских парней, готовы признать его положительным качеством: "Русский человек – он один. Он думает, что он один готов свернуть горы. Им не нужна поддержка, они могут все сами сделать. А кавказские народы, они привыкли вместе все делать". Определенную роль в положительных стереотипах русских у армян играет и осведомленность последних об истории русско-армянских отношений: "Это же русские Армению от иранцев освободили и от турков".

Главный источник негативных стереотипов в отношении "других", как у русских, так и нерусских школьников – негативный личный опыт, рожденный не культурными отличиями и несовпадением культурных ценностей, а неудовлетворительным состоянием работы государственных и общественных институтов, ответственных за поддержание правового порядка и соблюдение прав личности. Именно отсутствие уверенности в том, что обидчик понесет справедливое наказание, является основой формирования убежденности в том, что "у них свой закон", который не подчиняется "нашему" порядку. Из этого выводится обобщение, что все "они" не похожи на нас и враждебны "нам".

Предвзятое отношение милиции к выходцам, например, с Кавказа, рождает у них ощущение, что нужно в ответ создавать "свои" структуры, обеспечивая собственные права. На этой основе происходит дальнейшее отчуждение между приезжими и местными, поскольку каждая сторона ориентируется на разные общественные институты и правовые нормы.

Что думают москвичи и недавние мигранты друг о друге*

А. О. Булатов

Данная статья основана на материалах, собранных в основном в период 2003-2007 гг. и дополненных летом-осенью 2008 г. среди представителей дагестанской, ингушской, чеченской, азербайджанской диаспор и студентов РГГУ (2003-2004 гг.), Национального Института им. Екатерины Великой (2003-2004 гг.), ИСИ МГУ ДТ (2003-2007 гг.), МПГУ (Люберецкий филиал, 2006-2007 гг.), Медико-стоматологической академии (2005-2008 гг.). Сведения собирались методами анкетирования и интервью. Исследованием было охвачено 350 студентов разных курсов гуманитарных факультетов – истории, политологии и права (РГГУ), журналистики и культурологии (Национальный Институт им. Екатерины Великой), социологии и социальной антропологии, психологии (ИСИ МГУ ДТ), культурологии (МПГУ, Люберецкий филиал), а также около 50 недавних мигрантов из Дагестана, Ингушетии, Чечни. Кроме этого, использованы данные интервью с выходцами из Читинской области, Украины, Азербайджана. За исключением нескольких человек, занятых рыночной торговлей, все остальные респонденты являются студентами и аспирантами московских вузов. Возрастные границы основного контингента исследуемых составляют от 20 до 30 лет. Несколько аспирантов относятся к возрастной категории 35-38 лет.

Автор не претендует на полное и разностороннее отражение заявленной в названии тематики, но вместе с тем, как представляется, даже такое локальное исследование позволяет выявить некоторые тенденции и закономерности во взаимоотношениях недавних мигрантов и местного населения.

Начнем с мигрантов. В зависимости от продолжительности пребывания в Москве, суждения о московском образе жизни и жителях столицы существенно различаются по тональности, настрою и содержанию. Первое время после прибытия в Москву молодые люди, как правило, испытывают чувство некой эйфории, основанное на сознании

* Статья подготовлена при поддержке Фонда содействия отечественной науке и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям" (проект "Российские мусульмане: современные вызовы, адаптационные механизмы и практики").

собственной особенности, незаурядности, поскольку им удалось вырваться из своего родного провинциального города (аула, кишлака, села), причем не куда-либо, а в столицу. Этому радужному восприятию действительности способствует представление об открывающихся широких перспективах в плане совершения карьеры, возможности заработка. Такой период продолжается обычно от нескольких недель до нескольких месяцев, пока столкновение с суровой действительностью в лице милиции, чиновников, администрации общежития, работодателей не приводит к восприятию окружения как враждебного, холодного, равнодушного, лишенного проявления естественных человеческих чувств. Этот период продолжается дольше, обычно 2-3 года, в некоторых случаях он может занимать и 5 лет. Проблема в том, что именно в течение этого времени человек вынужден адаптироваться в социальном и культурном отношениях, доказать свою профессиональную состоятельность, решить бытовые проблемы. Если это хотя бы отчасти удается, тогда наступает следующий этап восприятия, связанный с более терпимой, взвешенной оценкой окружающих реалий.

Легче всего это продемонстрировать на высказываниях представителей различных мигрантских групп. В ряде случаев удалось проследить эволюцию восприятия у одних и тех же людей на протяжении ряда лет. Характерно, что наиболее резкие высказывания чаще всего принадлежат не представителям кавказских или среднеазиатских групп, а со стороны русских, приехавших в столицу из Сибири и Дальнего Востока. То же характерно для приезжающих на постоянное жительство украинцев.

Девушка из Читинской области (21 год, аспирантка одного из академических институтов) так ответила на вопрос о том, почему она предпочитает больше общаться с выходцами из различных республик Северного Кавказа, живущими в том же общежитии, чем с русскими ребятами, в том числе своими земляками: "Только русский может сразу напиться в компании... Кавказцы себя так не ведут, у них есть свой этикет, который они соблюдают". Это мнение дополняют совпадающие высказывания двух других девушек, одна из которых является землячкой первой (25 лет), а другая приехала в Москву учиться и работать из Крыма (24 года): "У азиатов (выходцев из Средней Азии – *авт.*) и кавказцев крепче семейные ценности, у них есть уважение к старшим, свои традиции". Респонденты, сравнивая своих знакомых, отметили, что *кавказцы* в целом более мужественны, у них легче в случае необходимости найти защиту и поддержку, но *азиаты* мягче и обходительнее в общении (при этом к числу *азиатов* были отнесены, как ни странно, и азербайджанцы, вероятно, по особенностям бытового поведения). Вместе с тем именно те черты, которые вначале наиболее привлекали, спустя 1,5-2 года в своем крайнем выражении начинают вызывать

иное отношение: "Слишком традиционны в вопросах семейной жизни", "Охотно идут на добрачный секс, но от девушки при вступлении в брак ждут невинности", "Встречаются со всеми, а жениться стараются на своих".

По мнению студенток старших курсов факультета социологии и социальной антропологии ИСИ МГУ ДТ, часть из которых сами являются недавними мигрантами (все – русские), студенты – выходцы с Кавказа, обучающиеся в университете (армяне и чеченцы – *авт.*), отличаются повышенной агрессивностью по сравнению с остальными учащимися, демонстративной маскулинностью и часто нахальным поведением по отношению к девушкам. В отношении же молодых людей – коренных москвичей, обучающихся в том же вузе, характеристики тоже нелестные: "Они все маменькины сынки", "Здесь (в Москве – *авт.*) мужчины и женщины во многом поменялись ролями. Мужчины феминизированы, вот приезжие и заполняют эту нишу", "Москвичи привыкли жить на всем готовом. Им ничего не нужно добиваться. А у приезжих никто не стоит за спиной и всего они должны достигать сами, поэтому и мужские качества у них развиты".

Мнение украинца (24 года), приехавшего в Москву из Харькова и поступившего здесь в аспирантуру: "Русские в Москве злые. У нас на Украине люди более добрые, открытые. А здесь все хмурые, ни одного приветливого лица не увидишь". На вопрос о том, зачем же тогда понадобилось менять место жительства, респондент ответил, что возможность учиться дальше по своей специальности у него есть только в Москве, а работы, которая давала бы возможность жить ему и его родным, на родине нет. Здесь же он может, подрабатывая во время учебы, содержать себя и посылать деньги отцу-пенсионеру. Отметим, что этот ответ является наиболее распространенным и характерным как для внутренних, так и для внешних мигрантов, и отражает реалии современной жизни в российской провинции и странах СНГ.

Теперь остановимся на некоторых наиболее показательных и распространенных высказываниях мигрантов из различных регионов Кавказа. "Москвичи больше любят собак, чем людей. Бомжа прогонят, а собаку накормят. В метро или на улице пройдут мимо старухи, просящей подаяние, а мужику, которому нечем кормить собак, подадут" – лакец, 37 лет. "Здесь нет уважения к старшим – ни в семье (бросают старых родителей), ни в общественных местах" – чеченец, 24 года. "Здесь мужчины немужественные, а женщины неженственные" – лакец, 37 лет, Даргинец, 36 лет. "Тут слишком эмансипированные женщины (как вариант – расчетливые, меркантильные, холодные, свободного поведения и т. д.)" – общая точка зрения для мигрантов с Кавказа.

В качестве квинтэссенции впечатлений мигрантов о жизни в столичном мегаполисе и его жителях в течение первых нескольких лет

пребывания здесь может выступать высказывание, которое автор с небольшими вариациями слышал от нескольких человек – выходцев из различных республик Северного Кавказа: "Как могут считаться людьми те, кто пьет с утра до вечера, матерится в семье при старших и младших, не заботится о старых родителях, не воспитывает своих детей. К ним нельзя относится как к настоящим людям. Так, по работе сталкиваешься, а в остальном – пропускаешь мимо".

Проходит еще несколько лет и в большинстве случаев тональность высказываний меняется. Даргинец, 37 лет, живущий в Москве со второй половины 1990-х гг. и занимающийся здесь бизнесом (имеет фирму по продаже ковров, сын – студент одного из московских вузов): "С русскими можно нормально жить, работать, если сам тихо, спокойно живешь. Сначала, конечно, боятся, не любят, присматриваются. Потом время проходит, если видят, что нормальный человек, то с большинством людей можно жить". Торговец-аварец 35 лет, имеющий несколько точек по продаже одежды на рынке, в Москве живет около 10 лет. Параллельно с торговлей учится на вечернем отделении в одном из московских вузов: "Москвички лучше работают, чем другие женщины, которые сюда приехали. Они более грамотные и честные" (следует отметить, что в качестве продавщиц у него работали женщины с высшим экономическим и педагогическим образованием). Торговец-азербайджанец, ранее работавший в Баку, Дербенте и Махачкале, 36 лет: "Здесь (в Москве – *авт.*) в миллион раз лучше, чем в Азербайджане, и в тысячу раз лучше, чем в Дагестане". Лачка, 38 лет, психолог, ныне домохозяйка, живет в Москве с начала 2000-х гг., дети учатся в школе и в одном из московских вузов, муж занимается бизнесом: "Здесь лучше жить, если хочешь чего-нибудь добиться в жизни. В Дагестане все куплено, и нужны большие деньги и большие связи, чтобы хоть как-то продвинуться". На мой вопрос "А разве здесь не так?" последовал ответ в том смысле, что в столице тоже все это есть, и если приходится сталкиваться с коррупцией, то аппетиты чиновников разного рода значительно выше и размер взяток существенно больше. Но вместе с тем в Москве еще есть возможность жить и решать вопросы повседневной жизни, не обязательно подпадая под действие коррупционных механизмов. А кроме того, способный человек имеет больше шансов продвинуться. Как выразилась моя собеседница: "Если долго стучать, то можно достучаться. Тебя все-таки услышат". Чеченец, 28 лет, приехавший в Москву в конце 1980-х гг., закончил здесь мединститут и работает врачом: "Если нормальный человек (мигрант – *авт.*), то он найдет общий язык с нормальными людьми. Каждый находит себе подобных. А быдла везде хватает. Среди чеченцев тоже не все хорошие".

Показательным в этом отношении представляется высказывание одного из тех, чья характеристика жителей Москвы была наиболее резкой. До недавнего времени студент, а ныне аспирант одного из московских вузов, аварец, 37 лет, последовательный мусульманин: "Я не могу сказать, что здесь все плохие. Москва – огромный город и здесь всех хватает. Я встречал помощь и поддержку со стороны москвичей, не земляков и не мусульман, помощь, которая не оговаривалась какими-либо условиями. Это нормальные, порядочные люди – русские, армяне, евреи – коренные москвичи".

Следует отметить, что эти изменения в отношении к местным жителям не касаются одной категории, которая во всех случаях вызывает однозначно резкую отрицательную реакцию, – скин-хедов и тех, кто им сочувствует. Активизация их действий в последнее время, чинимые ими насилия и убийства, можно предположить, послужат причиной создания в среде недавних мигрантов объединений молодежи для противодействия уличному террору, если властью не будут приняты жесткие меры по прекращению деятельности скин-хедов.

Важный этап адаптации заключается в определенной переориентации связей и интересов мигрантов спустя несколько лет жизни в Москве. Характерно высказывание последнего из указанных ранее респондентов: "Мне во многом легче общаться в Москве с русскими и евреями, чем, например, с чеченцами, хотя они и единоверцы. Если в комнату, где я сижу, войдут несколько чеченцев, то меня как будто там уже нет. Разговор у них будет идти уже только на своем и о своем. А если в комнату войдут несколько русских или евреев, то они так вести себя не будут, и я не почувствую себя чужим" (респондент живет в общежитии, где среди его соседей немало чеченцев и ингушей, а учился до недавнего времени на курсе, где все остальные студенты были русские или евреи). Этому мнению созвучно суждение также представительницы Дагестана, кумычки, 13 лет живущей в Москве, закончившей здесь аспирантуру и работающей врачом. По ее словам, ей легче общаться с коренными москвичами (хотя многие из приведенных в начале статьи мнений мигрантов об особенностях жителей столичного мегаполиса она разделяет), чем со своими земляками.

Частой является ситуация, когда освоившиеся в столице мигранты предпочитают не иметь деловых отношений со своими земляками, и здесь действует не только и не столько эгоизм человека, сумевшего устроиться, найти для себя нишу в иной этнокультурной среде, но и вполне обоснованное стремление избежать негативных последствий таких отношений. От нескольких различных выходцев из Дагестана, занимавшихся с конца 1990-х гг. бизнесом в Москве (в основном мелкооптовой и розничной торговлей), приходилось слышать отзывы о не-

желательности работать вместе со своими земляками: "Ну вот, приехал кто-то из дома (Дагестана – *авт.*). Попросили, принимаешь на работу или так, без просьб, берешь как своего. Пока денег нет, можно работать. Кто-то лучше работает, кто-то хуже, но работают. Но как только деньги появились, ну, например, тысяч 10 (долларов – *авт.*), не говоря уже о большей сумме – все, кинул. Скрылся с деньгами. При этом он знает, что его будут искать и, если найдут, то спросят по полной, он будет неизвестно сколько скрываться и эти деньги, в конце концов, не стоят такой жизни, но если появляется к ним доступ, то возьмет и убежит. Это было не раз и не два. Особенно когда касается тех, кто не только недавно переехал в Москву, но и вообще недавно переселился в город, уехав из села".

Обычная ситуация, складывающаяся у недавних мигрантов после 3-5 лет пребывания в Москве, такова: к этому времени у них формируются достаточно устойчивые дружеские и деловые отношения с представителями принимающей стороны. Эти отношения и определяют в значительной степени новый образ жизни. На уровне первого поколения и, чаще всего, второго, это не приводит к смене этнической и, если она присутствует (что далеко не обязательно), религиозной идентичности, но способствует расширению культурных границ и изменению культурных стереотипов. Что касается отношений с представителями своей этнокультурной среды, то таковые, как правило, поддерживаются в рамках достаточно узкого круга родственников и друзей. При этом, чем выше социальный и культурный уровень недавнего мигранта, чем более успешную карьеру он делает, тем более сужается поле общения со своей материнской средой. В данном случае ситуация прямо противоположна той, какая бы имела место, скажем, в Махачкале, где выдвинувшийся на заметный пост уроженец какого-нибудь аула каждый день встречал бы в своей приемной земляков, знакомых, не говоря уже о родственниках всех мыслимых степеней родства. И независимо от своего желания он должен был бы решать их проблемы, в том числе не имеющие прямого отношения к его сфере деятельности, дабы не быть ославленным в своем родном селении и не подпасть под категорию людей, определяемых русской поговоркой "Иван, не помнящий родства".

Правда, здесь следует иметь в виду различную степень этнической и земляческой солидарности у представителей различных общин, в том числе кавказских. Среди последних она наивысшая, по имеющимся данным, у чеченцев и ингушей. Затем следует отметить повышенную солидарность среди московских азербайджанцев, армян, грузин. Дагестанцы отличаются разобщенностью, но среди них большая взаимная поддержка присутствует у аварцев.

В отношении студентов московских вузов, представляющих принимающую сторону, наблюдается единообразие в оценках пришлого населения. Характеризуя мигрантов из северокавказских республик и государств Южного Кавказа, а также Средней Азии, респонденты выделили ряд обобщенных положительных и отрицательных качеств. Среди положительных качеств названы:

- поддерживают друг друга;
- не пьют или пьют мало;
- заботятся о семье;
- гостеприимны;
- щедры.

Среди отрицательных качеств:

- агрессивны (о чеченцах);
- жестоки (также о чеченцах);
- хитры, могут обмануть на базаре (об азербайджанцах);
- нахально ведут себя с местными женщинами (в основном об азербайджанцах и армянах).

Эти характеристики почти в неизменном виде с некоторыми вариациями сохранялись до 2007 г., когда стала проявляться нарастающая тревожная тенденция. Если до этого при выраженном негативном аспекте восприятия мигрантов присутствовала и в целом его перевешивала либо индифферентная, либо взвешенная, основанная на понимании вынужденного характера миграций оценка, то теперь идет нарастание неприязни к мигрантам. Причем неприязнь основывается не столько на криминальных аспектах миграции (большинство респондентов с криминалом не сталкивались и знают о нем из сообщений СМИ), сколько из-за того, что приезжают люди с другим оттенком кожи, разрезом глаз, формой носа. Иными словами, формируется восприятие на уровне понятий бытового расизма. Идет общее неприятие мигрантов на фоне идеи сохранения чистоты антропологического и культурного облика русского народа без понимания того, что "чистота" сама по себе представляет миф.

Рост числа мигрантов с национальных окраин и стран СНГ формирует у таких респондентов "опасения за судьбу русского народа". Эти настроения находят отражение в выступлениях некоторых общественных и политических деятелей в СМИ, в публикациях ряда изданий с кричащими заголовками о грозящем исчезновении русских. Представляется, что выразители подобных настроений неадекватно оценивают как современную ситуацию, так и исторический опыт и адаптационный потенциал русского народа. Как свидетельствует опыт российской истории, при межкультурном взаимодействии, более многочисленный народ со временем перерабатывает, ассимилирует относительно мел-

кие группы. И в этом отношении определенная вероятность культурного и языкового "растворения" скорее угрожает тем сообществам, чьи представители (как правило, мужчины молодого и среднего возраста) переселяются в поисках лучшей доли в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные российские города. Живя и работая там продолжительное время, они вступают в контакты с представительницами местного русского населения, и дети, появляющиеся на свет в итоге этих отношений, независимо от того, под какой фамилией они записаны и какое имя носят, уже не будут теми азербайджанцами, армянами, таджиками, какими бы стали, если бы родились и воспитывались на родине отца. Вырастая в русской среде, они не отличаются от коренного населения. Результатом смешанных браков является не грядущее растворение и исчезновение русского народа под натиском мигрантов, а, скорее, его пополнение.

Кроме того, если браки заключаются в среде самих мигрантов, то следующее поколение также весьма сильно отличается от своих сверстников на исторической родине. Вырастая в иной среде, они неизбежно воспринимают ее особенности и стереотипы, даже если сохраняют какие-то отеческие традиции. Степень универсализации культуры и нивелирования этноконфессиональных особенностей возрастает. В таких условиях подтолкнуть мигрантов или их детей к общинной или конфессиональной замкнутости может лишь неприкрытая ксенофобия. Что особенно тревожно, подобные настроения, по сути представляющие основу для развития фашистских идей, отчетливо проявляются среди студентов гуманитарных вузов, в том числе получающих историческое, культурологическое и этнологическое образование. Полагаю, что результаты исследования свидетельствуют о нарастании негативных тенденций в рассматриваемой сфере, в первую очередь, среди местной московской молодежи. Эта тенденция требует пристального внимания как со стороны исследователей, так и со стороны государственных органов, причем в ряде случаев требуется регулирующее превентивное вмешательство.